

ВЛАСТЬ В КОСМОСЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ИНТРОДУКЦИЯ

Власть, наделенная сакральным статусом, относится к важнейшим элементам культурного ядра российской цивилизации. Как и другие базовые основания ментальности, идея сакральной власти может быть вычленена только в акте анализа. В реальности ментального пространства, Иерархия взаимопроникает с идеями синкрезиса, эсхатологическим комплексом, традиционной империей и другими базовыми элементами. Постигая природу сакральной Власти, мы с необходимостью вынуждены описывать всю целостность традиционного универсума. В некотором смысле тема эта неисчерпаема и заслуживает отдельной монографии. Приходится ограничиваться эскизной проработкой, намечая отдельные исследовательские сюжеты и предоставляя читателю самостоятельно двигаться вглубь намеченного проблемного пространства.

Феномен традиционной Власти, механизмы сакрализации правителя, власть в России исследуют историки, антропологи, культурологи. Это проблемное пространство последовательно разрабатывается в постсоветскую эпоху.¹

Начнем с того, что мы обращаемся к исключительно сложной теме. Культурные смыслы и переживания сакральной власти генетически относятся к сфере довербального, ибо сакральная Иерархия вырастает из архаического мифоритуального комплекса, который являл собою нерасчленимое единство истины-блага. В акте метаритуала происходит рождение (а значит обновление) космоса.² Вся целостность архаического культурного космоса, единство Рода, то есть «нас», окружающего нас видимого мира и мира трансцендентного, единство прошлого, настоящего и будущего сливалось в мифоритуальном действе, с которого начиналась Вселенная. Власть вырастает как тотемистическое воплощение метаритуала, а значит, и целостности архаического космоса.

Здесь действия, культурные смыслы и переживания довербальны. Они рождаются в эпоху до появления слов, способных описывать данные материи. Рождаются в сфере человеческой психики, не способной к какой-либо саморефлексии и анали-

¹ Например см: Сакрализация власти в истории цивилизаций. В трех частях. М. 2005. Успенский. Царь и пратриарх: харизма власти в России. М. 1998
Сапронов П.А. Власть как метафизическая и историческая реальность. СПб., 2001.
Уортман Р.С. Сценарии власти: миф и церемония в русской монархии. В 2 т. М, 2004.
Жидков. В.С. Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб 2001.
Аймермахер К.; Бомсдорф Ф.; Бордюгов Г. Мифы и мифология в современной России. М., 2000.
Калининченко А.И. Феномен сакральности власти в истории правовой мысли./ «Пространство и время» 2014/4. С.14-23.

² Категория метаритуала разрабатывается автором. См: Природа ритуала/Игорь Яковенко. Мир через призму культуры. М. 2013. С. 25.

зу базовых оснований. Переживания Иерархии традиционным человеком восходят к этому невыразимому в словах пространству.

Истоки идеи власти лежат в предельно широком круге обстоятельств бытия человека в мире и вырастают из переживания этого. Переживание власти и сумма смыслов, вырастающая из такого переживания, восходят к архаическому переживанию синкретической целостности Космоса. Власть отсылает ко Вселенной, символическое/магическое выражение которой предстает знаком, тотемом, земным ликом Творца, ядром той «иконы Бога», которую монах Агапий усматривал в образе Византийской империи.

Есть отдельный человек, есть локальная общность и есть бесконечный мир, в который по воле некоторой директивной инстанции вброшена эта общность. Идея Власти складывается в ходе постижения данного фундаментального обстоятельства – пребывания конечного и уязвимого человека в бесконечном мире. Власть – «наш», предметно-чувственно постижимый знак той иноприродной, несоразмерной человеку и слабопредставимой силы, которая создала Вселенную. Власть охраняет нас от ярости космических стихий, предстательствует за нас перед Вышними силами, осуществляет контакт с высшими уровнями бытия, наставляет, руководит, судит и рядит.

Анализ интересующего нас феномена требует определить ряд понятий: «сакральное», «легитимность», «тотем».

Сакральное в самом общем смысле – священное, святое, Божественное, относящееся к религиозному культу. Но содержание понятия сакральное шире. Это и небесное, потустороннее, иррациональное, мистическое, отличающееся от обыденных вещей, понятий, явлений. Формирование культуры с необходимостью задает аксиологическое различие сущностей и явлений. На одном полюсе оказывается сакральное, на другом – профанное. Профанное – мирское, повседневное, обыденное, «низкое» в противопоставлении «высокому».

Есть еще третий нагруженный смыслами и отношениями полюс – табуированное. Табуированное – запрещенное к упоминанию и громкому произношению. Любые операции с табуированным обставлены специальными правилами и ограничениями. Табуированное разделяется на два пласта – низкое профанное и амбивалентно сакральное. Табуация сакрального относится к доосевой эпохе, когда сакральное мыслилось как опасное, наделенное экстраординарными потенциями, отвечающее за чрезвычайные, выпадающие из норм профанного, процессы и явления (попросту «чудеса»). Взаимодействовать с этими сущностями могли специалисты (знахари, колдуны, жрецы). Профану надлежало сторониться, избегать упоминания и относиться к табуированному со страхом и почтением.

Легитимность – признание обществом права правителей на власть и принятие ее решений и повелений. Легитимность – это доверие и принятие власти общественным сознанием, оправдание её действий, потому легитимность связана с моральной оценкой правителя. Теоретики различают традиционную (исконную, основанную на традиционном наследовании престола), рациональную или демократическую (присущую современным сложно организованным обществам) и харизматическую легитимность. Харизма – особая одаренность, непогрешимость, исключительные качества. В этом случае власть опирается на харизму лидера. В идеале власть стремится объять все три аспекта легитимации.

ТОТЕМИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ ВЛАСТИ

Понятие *тотемизм* описывает социально-религиозную систему, в основе которой лежит культ *тотема*. Тотем представляет собой класс объектов или явлений, с которыми считает себя родственно связанной определенная социальная группа — род, фратрия, племя. Тотем мыслится как прародитель. Он магически связан с родовой общностью. Выступает ее покровителем и гарантом устойчивости космоса.

Проблематика тотемизма интересует нас, поскольку традиционная Власть чаще всего переживается тотемистически. По мере формирования государства и вхождения архаических групп в целостность раннего государства тотемистические трактовки и переживания перемещаются на институт Власти и фигуру Верховного правителя.

Переживание власти как сакральной сущности исторически первично. Формировалось на заре истории государственности, соответствует определенному типу сознания и ментальным характеристикам. Люди, принадлежащие иной реальности (стадиальной и качественной), могут осознавать этот феномен лишь в акте интеллектуального постижения, что не так просто. Сакральная Власть — источник сильнейшего переживания и значимый фактор культурного космоса. Логику взаимодействия различных смыслов и картину мира можно более или менее подробно исследовать. Что же касается мира переживаний, то он плохо поддается отчужденно-аналитическому сознанию. Мы можем лишь назвать и обозначить явление, предоставив читателю самостоятельно решать задачу эмоционального включения.

В начале XX века Николай II посетил Императорский фарфоровый завод. В хрониках данного события зафиксирован следующий эпизод: когда коляска отъезжала от подъезда заводской администрации, некоторые пожилые рабочие кидались целовать колеса царского экипажа. Переживание Власти как сакральной сущности в России — это, то переживание, которое подвинуло рабочих выразить свои чувства подобным образом.

О тотемистическом переживании власти на Руси писал еще А. Ахиезер, не останавливаясь подробно на культурных смыслах, составляющих тотемистическое сознание.

Тотемизм представляет собой весьма распространенную в архаических обществах систему представлений. Родовое целое верит в общность происхождения от тотема. Тотем считается родоначальником данной социальной группы, и каждый индивид тотемного класса — кровным родственником, сородичем каждого члена группы его поклонников. Люди, пребывающие на тотемистической стадии сознания, *видят в тотеме своего магического/небесного покровителя*. И это представление исключительно важно для понимания описываемого нами явления.

Тотемизм — достаточно универсальное явление. Изживание тотемизма связано со становлением стадиально последующих форм религиозного сознания. Однако следы тотемизма и его пережитки встречались в культурах народов классической древности. Тотемизм дожил до наших дней у аборигенов Австралии, у ряда народов Африки и Американского континента. Пережитки тотемизма наблюдаются в культуре множества народов, номинально исповедующих мировые религии. У южных славян, ещё в начале XX в., встречался следующий обычай: при рождении мальчика восприемница громко объявляла: «Волчица родила волчонка!»

Принятие мировой религии и вхождение в стадию зрелой государственности рождает специфический синтез стадиально предшествующих, и стадиально последующих представлений. Доктринально христианство отрицает тотемизм.

Однако миллионы новокрещенных включались в космос монотеистических религий через переосмысление монотеистической доктрины в близких и единственно постижимых образах и категориях. Так верховный правитель обретал параметры тотема, а подданные Великого князя/Царя/Генсека осознавались как «наше» родовое целое.

Тотемный характер мировосприятия отрицает любые социально-политические институты и требует персонификации Власти. Магическое мышление осознает тотем как метафизический эквивалент целого, находящийся в магической связи с этим целым.

Персонификация власти, «предполагает восприятие власти не как политического института, а как конкретной личности... Личным качествам представителя власти придается большее значение, чем законотворчеству, устройству и функционированию госаппарата».³ Власть императорской России была персонифицирована на высшем уровне в образе монарха, от деятельности которого зависела и ее легитимность, и устойчивость. Еще Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» сформулировал один из базовых тезисов персонификации и легитимации власти, ставя их в зависимость от силы и воли монарха, т. е. его способности к управлению государством.

Подчеркнем еще раз, для людей адекватного типа сознания тотем — центральная космосозидающая сущность. Любые интерпретации тотемизма могут прояснить смыслы, заложенные в феномене, но не могут раскрыть палитру чувств и место этих переживаний в психике субъекта.

В октябре 1917 года Розанов сделал следующую запись: «Сижу и плачу, сижу и плачу как о *совершенно* ненужном и о всем мною написанном... Никогда не думал, что Государь так нужен для меня: но вот его *нет* — и для меня как нет России... Просто я *не хочу* чтобы она была... *Без царя я не могу жить*. Посему я думаю, что царь непременно вернется, что без царя не выживет Россия, задохнется. И даже ненужно, чтобы она была без царя».⁴ Вот она — целостность тотемистического сознания. Надо сказать, что в сознании Розанова, Николай II воспринимался в двух аспектах: как человек и как тотем. К человеку Николаю Романову, у Розанова, есть претензии. Но это ничего не меняет в аспекте тотема. Тотем — онтологизирующее, смыслонаделяющее и животворящее начало. Нет тотема и сущность, тотемом порожденная, есть тлен, из которого изъят живой дух. Просто этот тлен еще не осознал своего конца и ожидает скорого распада. Лишенная духа, богооставленная Россия не нужна Розанову. Скоро все неизбежно рухнет, ибо нет жизни вне тотема.

Сакрализация Сталина разворачивалась в контексте мощнейшей потребности в тотеме традиционно-архаического общества, вздыбленного революцией, пережившего распад социокультурного космоса и медленно и мучительно, наощупь отыскивающего путь к базовым формам мировосприятия.

Тренд сакрализация актуального правителя от эпохи Брежнева до наших дней задан палитрой факторов и обстоятельств. За этим стоят не только расчеты правящей элиты, не только административный восторг маленького человека или элементарное холуйство, но и рефлексы тотемистического сознания. Носитель традиционной

³ Романович Н. К вопросу о персонификации власти в России // Власть. 2009. № 9. С. 13; Шалаева Н.В. Механизм формирования образа власти в советской культуре 1920-х гг. (к вопросу о культе В. Ленина) // Вестник СГСЭУ. 2009. № 5. С. 196–200; Она же. Проблема культа личности В.И. Ленина (историографический анализ) // Власть. 2013. № 5. С. 104–108.

⁴ Цит. По: Александр Репников. Консервативные концепции переустройства России. АCADEMIA Москва 2007. С.443.

ментальности стремится к «правильно» устроенному миру, в котором он перестанет быть «сиротой безначальной» и попадет под омофор Власти.

Традиционный человек исходит из того, что *Власть тотемистически равна целому*. Идея о том, что можно любить свой народ и свою страну, но/(или именно поэтому) противостоять политическому режиму, оспаривать базовые практики и институты, критиковать, бороться со сложившейся системой — отвергается на корню, как баснословная отговорка, которая посягает на тотемистическое тождество Власти и Российского целого. На передачи, в которых выступают критически настроенные политики и другие оппоненты власти, систематически приходят реплики — «Почему вы так не любите Россию?». Понятно, что авторы этих реплик стремятся уязвить выступающих. Россию полагается любить, желательно экзальтированно и, при случае, прилюдно свидетельствовать о своей любви к родине. Русофобия — традиционное обвинение врагов Престола и Отечества. Нам же в этих пассажах интересно априорное отождествление правящего режима и России.

Власть тождественна России. Она собирает, оформляет и воплощает ее. Убрать здесь знак равенства означает разрушить краеугольную мировоззренческую концепцию тождества России и Власти. За последние 25 лет тезис о том, что Власть не равна стране и народу высказывалась многократно. Дело не в том, что эта идея не знакома носителям традиции, и ее идеологам. Дело в том, что она отвергается как разрушитель базового основания традиционного космоса. Власть = России, а Россия = Власти. Это тот камень, на котором стоит традиция «...и на сем камне я создам Церковь Мою» (Мф. 16:13). Цитата из Писания здесь не случайна. Данную идею веками внедряла в народное сознание церковь.

Царь может быть подложным, и тогда возникает вопрос о смене персонажа, но сам институт монархии, то есть, сакральная Власть, безусловно, тождественен целому. Для носителя рационального сознания Нового времени эта установка экзистенциально непостижима, ибо базируется на сверхрациональных, магических основаниях. Тем не менее, массы людей, не склонных понятийно оформлять присущую им картину мира, переживают реальность именно так.

Вспомним дореволюционный воинский девиз «За веру, царя и отечество». Вера (то есть идеологический институт, о вере свидетельствующий и веру оформляющий) стоит на первом месте. За нею следует Царь, которого церковь поставляет на царство. Отечество располагается на последнем месте, присоединенное к Царю союзом «и». Царь и отечество — единое целое, в котором царь: сущность исходная.

В возгласии «За родину, за Сталина» порядок сущностей изменен и это — дань идеологии, во имя которой большевики разрушили православную империю. Но суть осталась, Родина равна Сталину. С первых дней советской власти шла пересемантизация идеи тотемистического единства Вождя и воплощающей его целостности. В 1925 году, через год после смерти актуального Вождя, Маяковский пишет: «Партия и Ленин — близнецы-братья/Кто более матери-истории ценен/Мы говорим Ленин, подразумеваем — партия,/Мы говорим партия, подразумеваем — Ленин».

Однако, заметим, в фигуре царя достигалось сверхрациональное единство конкретного, смертного персонажа и тотема. Царь был сакрален как носитель царского статуса, вне зависимости от своих качеств. В советской реальности объектом поклонения был конкретный вождь. Не носитель должности главы ВКП(б), не первый секретарь ЦК, а вождь. Иными словами, процесс формирования тотемистического переживания Советской власти не завершился. Власть рухнула раньше.

ИСТОКИ САКРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ

Идея сакральности власти и тотемистическое переживание этого феномена обусловлены исторически и культурно. Эти идеи опираются на целостность традиционно-архаического сознания. На некотором этапе истории человечества данные представления были естественны и адаптивны.

Генетически модель сакрализации иерархии, то есть власти, восходит к механизмам социализации стадных млекопитающих. Организация стада требует постоянной координации усилий и управления. Эти процессы невозможны без разнообразных связей управления и подчинения младших старшим. Без знаков и ритуалов, обозначающих социальный статус, позицию господства и позицию подчинения. Без осознания каждой особью своего места в иерархии. Наконец, без механизмов проблематизации и подтверждения статуса доминанта.

Вот частный пример: описывая поведение лидера стаи шимпанзе, которую годами наблюдали этологи, автор указывает, что «в годы своей власти шерсть у Йеруна всегда немного стояла дыбом, к тому же он ходил преувеличенно медленной и тяжелой походкой. Эта привычка создавала видимость большей величины и массы тела».⁵ Здесь вспоминается обычай, согласно которому в допетровской Руси царя на людях водили под руки.

Описывая ритуалы подтверждения доминирования, автор указывает: что *приветствие подчиненного* в стаде включает особое «хрюканье с придыханием», позу «в которой она глядит снизу вверх на того, кого приветствует... Иногда приветствующие приносят разные предметы, (лист, палку), протягивают руку вышестоящей обезьяне, целуют ей ногу, шею, грудь. Доминирующая обезьяна реагирует на это приветствие тем, что вытягивается во весь рост, и вздыбливает шерсть».⁶ Автор описывает любопытную практику: «Даже когда он (Альфа-самец) спал, самки нередко подходили к нему и, по собственной воле выражали свое уважение».⁷

Иными словами, история сакральной власти уходит очень глубоко и теряется во тьме тысячелетий. Однако, как и все под луной, культура, порождающая жесткую иерархию и сакральное переживание власти, эффективна в определенном диапазоне историко-культурных ситуаций. То есть – имеет свои пределы, за рамками которых общество вступает в сложную трансформацию, в результате которой рождается историческая альтернатива сакральной власти.

СТРУКТУРА ВЛАСТИ И ЯДРО ТРАДИЦИОННОГО КОСМОСА

Выше мы разбирались с культурными смыслами и переживаниями, которые формируются в традиционном сознании по поводу Власти. Описанная нами социокультурная сущность устойчиво реализуется в рамках определенной структуры, которая сложилась однажды, в ходе процессов формирования исследуемой модели. Данная структура может разрушаться и трансформироваться. Однако этапы деформации продолжаются сравнительно недолго. Рано или поздно, система возвращается в исходное состояние.

Итак, по своей природе *традиционная российская власть является идеологически санкционированной деспотией*. Здесь важны оба признака. Российская Власть

⁵ Франс де Валь. Политика у шимпанзе: Власть и секс у приматов. М.2014. С.106.

⁶ Там же. С.107.

⁷ Там же. С.183.

исходно и принципиально деспотическая, поскольку она находится над законом.⁸

Власть выступает источником законов, однако эти законы в той или иной мере обязательны для подданных. Сама власть не подчиняется закону. Здесь все достаточно очевидно. Кроме того, Власть *требует от подданных исполнять ее повеления, нарушающие любые законы*. По некоторым соображениям и в силу некоторых обстоятельств, которые не должны заботить подданного (это могут быть, например, соображения внешнеполитического характера) Власть не смогла/не сочла нужным/не успела изменить законодательную базу. Во всех таких случаях прямое повеление Власти приоритетнее любого закона. Долг подданного — исполнять эти повеления, не сообразуясь с буквой и духом закона. Это и есть «беззаветная преданность» по-русски. Со своей стороны Власть оценивает поведение подданного и, как правило, не дает его в обиду, в случае, если конфликт между нормой закона и повелением Власти оказывается предметом общественного интереса, разбирательства в судебных инстанциях, преследования на международном уровне.⁹

Не менее важна и другая сторона российской Власти. Эта власть существует *не только* в силу традиции, харизмы Правителя, организованного насилия. Все эти факторы, безусловно, присутствуют, но решающими не являются. Российская Власть опирается на идеологическую санкцию института, воплощающего сакральную истину. Власть земная существует постольку, поскольку освящена Властью небесной.

Ритуальная модель, символически воплощающая эту процедуру — чин венчания на царство — была отработана императором Юстинианом в 612 г. и рецептирована в русскую традицию в эпоху между Иваном Грозным и Борисом Годуновым. На советском этапе отечественной истории Верховная Власть обрела санкцию ВКПб/КПСС. Этот идеологический институт выступал как носитель абсолютной сакральной истины; и, в этом смысле, выступал аналогом Власти небесной, то есть церкви. Генеральный секретарь КПСС являлся главой государства, хотя формально страну возглавлял Председатель Президиума Верховного Совета СССР (который обязательно был членом Политбюро ЦК). Утрата санкции Партии автоматически делала Правителя пенсионером, как это случилось с Н. Хрущевым после Октябрьского Пленума ЦК 1964 года.

Передавая скипетр от одного земного, смертного человека другому, церковь, как носитель вечной и безграничной истины Учения, воспроизводит вечную сакральную Власть и Империю. Носитель земной власти выступает тотемистическим воплощением целостности социального абсолюта русского/советского народа и находится в магической связи с Властью небесной, которую он представляет на этой земле.

Земной правитель не самовластен в смысле чистого произвола. Он подчиняется Богу, то есть Власти небесной. Эта сторона российской Власти раскрывается, например, в переписке царя Ивана с боярином Курбским. В советскую эпоху правитель подчинялся Партии. Иными словами, легитимация Правителя идеологическим институтом, хранящим сакральную истину, с точки зрения традиционного сознания не является формальной процедурой. Он правитель, поскольку и до тех пор, пока истинность его правления удостоверяется актуальной церковью. Это нерасторжимое единство Власти земной и небесной входит в структурно-смысловое ядро русской системы.

⁸ Деспотия — форма самодержавной, неограниченной власти. Классическая деспотия — государства Древнего Востока: Ассирия, Вавилон и др.

⁹ Впрочем, случается всякое. Поставленный в ситуацию конфликта между законом и повелением Власти подданный, так или иначе, рискует. Иногда этот риск может закончиться для него плохо. Например см. судьбу Рамона Меркадера.

Сакральная власть земная и власть небесная находятся в отношениях взаимоподдержки и взаимоуважения. Власть земная всемерно поддерживает церковь, обеспечивает ей ведущее положение и гарантирует подлинность церкви как носителя сакральной истины. Церковь, в свою очередь, венчает правителя на царство, учит прихожан верно подданному служению и гарантирует праведность и подлинность правителя, как выразителя истины Учения и Божьей воли.

С 1917 года верховная власть в России проходит процедуру всеобщих выборов. Стороннему наблюдателю, далекому от постижения природы традиционного сознания, может показаться, что выборы изменяют как отношение к власти, так и механизм ее воспроизводства. Это не так.

Процедура выборов рецептирована из европейской политической традиции и, приживаясь на русской почве, претерпела кардинальное переосмысление. Смысловое наполнение электорального процесса, то есть — сумма смыслов и переживаний, с которыми традиционный человек участвует в выборах, складывается в советскую эпоху и принципиально расходится с исходной смысловой программой.

Выборы в России не есть важнейшая демократическая процедура, в рамках которой общество вручает мандат доверия некоторому кандидату, победившему в борьбе за этот мандат других кандидатов. *Выборы в России — ритуал единения подданных вокруг персоны Верховного правителя.* Участвуя в выборах, подданный свидетельствует свою верность и всеобщую любовь Правителю. Акт соборного единения верных, вокруг персоны Правителя, систематически подтверждают данные Избиркома.

В выборах участвует подавляющее большинство россиян. Институт альтернативного кандидата либо прямо отсутствует, как в СССР, либо демонстрирует тенденцию к вымиранию и формализации. Российский избиратель прекрасно знает, кто главный и подлинный кандидат, ради которого происходят выборы. В СССР модель была более чистой, советские люди голосовали на безальтернативной основе. Председатель Президиума Верховного Совета СССР был второй фигурой в советском руководстве. Выборы свидетельствовали о сплочении советского народа вокруг «блока коммунистов и беспартийных». *Институт наследника, сложившийся на наших глазах в последние десятилетия*, не меняет существа дела. Подданные голосуют либо за сакрального Правителя, либо за того, на кого указал Верховный правитель. В каждом из этих случаев, подданные объединяются вокруг престола носителя высшей власти.¹⁰

Вернемся к структуре российской Власти. Завершение Советского этапа отечественной истории вылилось в болезненное переструктурирование всего социокультурного универсума. Спустя десятилетие разворачивается процесс самовосстановления традиционной модели российской системы. Разумеется, речь идет о *новой модальности этой системы* не тождественной как советскому, так и дореволюционному модусам, но *воспроизводящей базовые структурные основания.* Отказ от советской идеократии потребовал восстановления традиционной модели двух институтов: Власти земной и Власти небесной.

Политика секулярной отстраненности Российской власти от конфессий, реализованная в 90-е годы, сменяется на политику продвижения РПЦ как доминирующего, исторического основания русского народа, церкви, которая находится под покровительством Власти. Стратегия союза традиционной власти и Русской православной церкви задана фундаментальным обстоятельством: церковь нуждается в

¹⁰ Подробнее см.: И.Г.Яковенко Политическая субъектность масс: культурологический аспект политической жизни в России. М. Новый хронограф. 2009.

сакральном правителе и империи, а традиционно ориентированная правящая элита нуждается в конфессии, сложившейся в такой среде и воспроизводящей данные сущности по принципиальным основаниям. Описанный тренд последовательно разворачивается на наших глазах полтора десятилетия.

Однако, структурное разделение на самостоятельные институты и, при этом, неразрывное единство Власти земной и небесной не исчерпывает структурных оснований российской системы. Третий элемент этой конфигурации — *сословный характер общества*.

Характеризуя специфику сословного общества, специалисты указывают на различия в образе жизни, культуре, имущественном статусе различных сословий. Однако эти характеристики производны от базовой. Сословие — социальная группа, члены которой отличаются по своему положению от остального населения, причем, эти отличия, как правило, передаются по наследству. Сословное деление общества складывается в Средневековье. Историческая эволюция размывает сословия, а буржуазные революции утверждают равенство граждан перед законом.

Исходно российская самодержавная монархия была сословным предприятием. Властные носители традиции всеми силами противостояли процессам деградации сословного общества, разворачивавшимся после Великих реформ Александра II. Этот конфликт был одним из факторов обусловивших Февральскую революцию 1917 г. Большевицкий переворот не только сохранил, но и усиливал пафос формирования гомогенного бессословного общества светлого коммунистического будущего.

Однако, природа человека, стадиальные характеристики общества и логика исторического процесса двигали СССР в направлении формирования сословий. Разумеется данные процессы не получали адекватного правового закрепления и осмысливались в других логических конструкциях. Сословия складывались в рамках устойчивой практики, которая задавалась Партией и Правительством. Реставрация сословного порядка вещей отчетливо просматривается с тридцатых годов. В послевоенную эпоху советское общество обретает, очевидно, сословный характер.

В ту эпоху легковой автомобиль, отдельная квартира и прикрепление к «распределителю» (система снабжения дефицитными продуктами, распределяемыми по символической цене, либо бесплатно) были атрибутом привилегированных групп общества. Пригородная дача или практика летнего отдыха на Черноморском побережье формально была доступна каждому. Однако уровень доходов, жестко контролируемый властью, оставлял эти радости жизни «уважаемым людям».

Нищая и бесправная деревня поставляла в города десятки тысяч женщин, готовых за символическую зарплату трудиться домработницами. Что же касается настоящей номенклатуры, то она жила за высокими заборами. Здесь все бытовые заботы брало на себя государство. Каста правителей существовала отдельно, не пересекаясь с простыми смертными, и зависела исключительно от воли Вождя. Как показала история, в некоторых ситуациях традиция, интересы правящей элиты и природа вещей, могут размыть любую идеологию.

Так называемые «нетрудовые доходы» жестко преследовались по закону. Каждый советский человек должен был жить по чину, вне зависимости от тех денег, которыми располагал. Рабочий — так как полагалось рабочему, директор — так как полагалось директору, лауреат сталинской премии — в рамках соответствующего стандарта.

Позднесталинская эпоха полна зримых примет реставрации реалий предреволюционной России. Возвращение офицерских званий и золотых погон, офицерские суды чести в армии, зримо разрывали с пафосом большевистского отрицания атрибутов сословной империи. («Золотопогонник» — идеологическое ругательство 20–30 гг.; этой же эпохе принадлежит сентенция «честь — офицерская привилегия»). Во время Отечественной войны был восстановлен институт денщиков, которых переименовали в «ординарцев». Другой пример идеологического ханжества — переименование прислуги, обязательной в домах «грандов», в «домработниц». Дворники и швейцары, кланяющиеся хозяевам жизни в богатых домах, дополняли картину. В так называемых «сталинках» — домах построенных в 47–59 годах в трех-четырёх комнатных квартирах рядом с кухней закладывалась комнатка для прислуги. В 1948 году была введена обязательная школьная форма. В это же время вводится обмундирование во многих советских ведомствах: В 1943 г. вводится форма в дипломатической службе, а также в МПС, Прокуратуре. В послевоенные годы — в Минфине, Госбанке, Мин Черной и Цветной металлургии и т.д. Люди, детство которых прошло в дворничьих и лакейских, поднялись на вершину социальной иерархии и теперь бережно воссоздавали мир, памятный им с детства.

Мы говорим о наиболее очевидных, наблюдаемых характеристиках. Решающим для сословного общества является социальный статус конкретного сословия, место в системе общественного разделения труда и социальных отношений. Здесь мы находим пожизненную принадлежность к привилегированным сословиям. «Начальника» могли посадить или расстрелять. Но провалившийся ответработник не мог вернуться на исходную социальную позицию. На нем до конца дней почивала незримая аура начальственного кресла.

Однако, самое главное, решающее преимущество привилегированных сословий советского общества заключалось в правовом статусе «грандов». Любая правовая коллизия с человеком, входившем в номенклатуру решалась не в правоприменяющих органах, а в структурах ВКП(б)/КПСС. Без санкции секретаря Горкома/Обкома/Центрального комитета никаких действий в отношении номенклатуры не предпринималось. Что делать с человеком решало партийное руководство. Люди, принадлежавшие к привилегированным сословиям, находились над правом и, в критических ситуациях, их судьба задавалась властью предержавшей.

Разумеется, в идеократической деспотии, какой был сталинский СССР, полноценное сословное общество сложиться не могло. Сословные организации и тем более сословное представительство были невозможны.¹¹ Полноценный механизм наследования сословного статуса оформлялся на уровне социальной практики, но не имел правового закрепления. Однако сословное самосознание и солидарное действие во имя сословных интересов наблюдаемо и легко верифицируется. Как только умер Сталин, партийная номенклатура развернула борьбу за неподсудность и, в конечном итоге, добилась полной неподсудности своих членов. За преступления, которые по советским законам тянули на 15 лет тюрьмы с конфискацией имущества, Верховная власть отправляла крупного функционера на пенсию. А за провинности среднего уровня губернский чиновник ссылался в Облсовпроф. Эта аббревиатура обозначала Областной совет профсоюзов; аппаратчики называли его «братской могилей» для потерпевших крах карьерных чиновников.

Для нас важно подчеркнуть, что сакральный характер Власти не просто предпо-

¹¹ Строго говоря, его не было и в царской России. В Европе сословия складывались в результате самоорганизации. Внутрисословные нормы и привилегии сословий формировались исторически как результат компромисса внутри средневекового общества. В Московии ничего этого не было.

лагает, но требует сословного общества. И, соответственно, десакрализация власти, превращение ее в институт правовой демократии требует разрушения сословного порядка.

С разворачиванием десталинизации, в последние десятилетия советской эпохи жесткость сословного разделения несколько размывается. Восходящий к эпохе Маленкова тренд на производство товаров широкого потребления, развернутое Хрущевым массовое жилищное строительство диктовались жесткой необходимостью формирования материальных стимулов к общественно полезной деятельности. Советские люди устали от нищеты и отказывались работать за идею. Но социально-культурные и психологические последствия этого сдвига были сложно обозримы. Система достижительных ценностей проблематизирует сословные перегородки послевоенного общества, а разворачивающаяся потребительская установка отторгает советский проект как целое, с его «идейностью», аскетизмом и пафосом жертвенного труда во имя будущих поколений.

Перестройка и крах социалистического проекта задали следующую итерацию разрушения/восстановления базовых характеристик российской модели. В двухтысячные годы российское общество приобретает черты сословного. Процесс этот развивается на наших глазах и близок к завершению. Сложился порядок вещей, в котором «гранды» очевидно неподсудны и зависят непосредственно от Правительства. Их дети наследуют места в советах директоров корпораций. Обществу дают понять, что эти люди пришли навсегда.

Зафиксируем тезис: *сословный характер общества, а также единство сакральной Власти земной и Власти небесной составляют ядро российского традиционного космоса.*¹²

В высшей степени примечательна и эволюция статуса православия в рамках переходного периода: Конец советской эпохи: тысячелетие крещения 1989 г. — в контексте Перестройки перспектива изживания «религиозных пережитков» снимается. Девяностые годы: свобода религиозного выбора и проповеди при последовательном нарастании удельного веса РПЦ. Конец девяностых — двухтысячные. Власть многообразно просигналила: православие — подлинная русская вера, а РПЦ — церковь всего русского народа. Иностранец может быть мусульманином или буддистом, но русский — значит православный. Этот тренд с энтузиазмом подхвачен традиционными слоями общества. Мощнейший нажим с разных сторон — все в РПЦ. Традиционный социальный абсолют собирается заново.

СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ВЛАСТИ

Сакральная власть-моносубъект неотделима от бес/частично субъектного подданного. Киевлянин VIII-XII, или новгородец XIII-XV веков категорически не подходят в качестве подданных сакральной власти. Возникновение этого конструкта манифестирует завершение процедуры историко-культурной трансформации, содержанием которой является *сепарация субъектности общественного целого* в результате которой вся субъектность концентрируется в зоне власти (в идеале, в персоне сакрального правителя), которого окружает море бессубъектных/частично субъектных подданных.

¹² Подробнее об устойчивой структуре традиционного комплекса см: И.Г.Яковенко «Судьба традиционного комплекса культуры»./ И.Г. Яковенко Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: социально-культурное измерение..М. «Новые знания» 2014.

Важно помнить, что власть — органическая часть целого неотъемлемая и неустрашимая, вытекающая из системного качества традиционного мира. Необратимый демонтаж сакральной власти возможен только на фоне деструкции традиционного целого и переструктурировании социокультурного универсума.

Исследуя проблему сакральной власти важно отрешиться от прогрессистских, либерально-просвещенческих иллюзий, трактующих человеческую природу в соответствии с базовыми характеристиками носителей обозначенного нами типа сознания. Сакральная власть не есть некий *dues ex machine*. Она соответствует целому и выражает стадийные и качественные характеристики общества. В обществах с определенным базисным типом личности (хотя в данном случае точнее говорить о базисном типе субъекта), сакральная власть необходима и единственно возможна. Вот что пишет об этом персонаже мировой истории Андрей Пелипенко: «Не имея внутренних регулятивов, внутренний мир индивида существенно зависит от внешних регулятивов. Без них его ментальность подвергается эрозии и энтропии. Ради сохранения надежного внешнего источника системного упорядочивания и древневосточные рабы, и их современные наследники готовы терпеть любые рабски-лагерные условия жизни».¹³ Пелипенко прав. Конфликт по поводу характера власти свидетельствует о качественном расслоении общества, в котором, наряду с традиционным, сложился существенный личностный слой, востребующий иного социально-политического устройства.

Сакральная власть — фундаментальное условие и *гарант объектности подданного*. Здесь надо говорить не о страхе свободы, а прежде всего об отсутствии предпосылок существования в условиях свободы — ментальных, ценностных, психологических, познавательных и т.д. Страх вторичен по отношению к этим базовым обстоятельствам. Сакральная власть — гарант «правильного» устройства мира. Правильного и понятного, в котором подданному объяснят, где стоять и что делать.

Сакральная власть — носитель абсолютного авторитета. Предмет веры без границ и сомнений. В традиционалистской массе существует *мощный запрос на социальный институт, воплощающий абсолютную истину* и безусловные ценности. Институт априорный, превыше всяческого разумения, закрытый от «умствования» и пошлой критики. Это — базовый ориентир, камень, на котором строится космос маленького человека, категорически отказывающегося брать на себя ношу человеческой субъектности. Речь идет о людях, которые не способны, а потому и отказываются самостоятельно мыслить и переживать. Им надо верить. Верить свято и безусловно.

Сакральная власть формирует и консервирует дологическое архаическое сознание. Адекватный традиции человек более или менее ориентируется в кругу житейских реалий. Все остальные позиции являются предметом веры. В таком случае доминирует неутолимая *потребность верить*. Потребность абсолютного доверия которой сакральной инстанции, масштаб харизмы которой вытекает из запроса на четкую и ясную картину мира, покоящуюся на вере. Здесь осозанный отказ от «умствования» вытекает из органической неспособности к этого рода деятельности.

В общеправовом и моральном смысле, вне свободы нет ответственности. В реальности закабаления, раб ответственен, но в тех пределах ответственности, в том пространстве частичной субъектности, который поставил ему хозяин. Из этого следует важнейшее, ключевое для добровольного раба, положение: раб частично субъектен, а значит и *частично ответственен*. *Безответственность* — главная характеристика и *самая большая ценность рабского сознания*. За него думает, принимает

¹³ А.А.Пелипенко. Глобальный кризис и судьбы Запада. Москва Издательство «Знание» 2014. С.152.

значимые решения и отвечает его Господин. Делегирование своей свободы означает делегирование ответственности.

Модельный подданный сакральной власти *долличностен*. В его психике не сложились структуры, обеспечивающие социально ценное поведение. Он раб своих страстей лишенный внутренних регуляторов — норм, ценностей, убеждений, осознания долга и совести. Для поддержания поведения в рамках социальных норм раб нуждается в свирепой, карающей инстанции, которой и выступает Сакральная Власть. Также как малый ребенок делает уроки на глазах старших и кидается к айпаду, когда их нет. Он знает про уроки, но хочется другого.

ДИАЛЕКТИКА ВОСПРОИЗВОДСТВА САКРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Понимание феномена сакральной власти и империи требует обращения к таким понятиям, как *инфантильность*, исходная и *добровольная десубъективация*, *ведомая позиция*, *рабство* как базовый тип личности. Сакральная власть формирует определенный тип исторического субъекта, обладающий особыми ментальными и социально-психологическими характеристиками. Специфическая интеллигентская политкорректность заставляет нас избегать названия этого историко-культурного феномена. Но, на самом деле, в своем существе, это — раб.

Для того, чтобы органично переживать земную Власть как божественную сущность необходимо быть рабом социальной инстанции, воплощением которой выступает сакральная Власть. Сакральная власть не равна сумме знаний об этом феномене. Отчужденное знание не равно впитанному с молоком матери, априорному переживанию власти как сакральной сущности, как начала всех начал. Носители этого типа сознания и выступают силой рождающей социальный заказ на тотем.

Раб принципиально несамодостаточен. Он нуждается в инстанции, которая выступает предметом несокрушимой веры и берет на себя руководство жизнью верноподданного. В равной степени, сакральная власть востребует и зависит от массы рабов. Ибо это единственная среда, в которой она может существовать. Сакральная власть, как социальный институт, и раб, как базовый социальный тип — *взаимодополняющие и взаимообусловленные* структуры. Они постоянно воспроизводят друг друга и, в случае кризиса, возвращают целое к исходной модели.

Надо сказать, что интеллигентская стыдливость — явление сравнительно позднее. В иную историческую эпоху идеологи автократии называли вещи своими именами. На знаменах национально-освободительного восстания в Царстве Польском в 1830—31 году на польском и русском языках было начертан лозунг «За нашу и вашу свободу». Поляки искали союзников в самой России, но безуспешно. Идеологические оппоненты из имперского лагеря отвечали: «Мы — рабы Господа и нашего Государя. Нам не нужны ваши пошлые буржуазные свободы. Вам не постигнуть прелесть и достоинство добродетельного раба, принявшего свой жребий и всецело полагающегося на Промысел Божий и мудрость Императора».

История XX века ярко иллюстрирует работу механизмов сакрализации власти: Николай II исходно, по факту рождения был сакральным правителем. На поддержание образа сакральной власти и воспроизводство культурного универсума, структурированного идеей идеологически санкционированной деспотии, работала мощная историческая инерция. Процессы фронтальной модернизации, запущенные Великими реформами Александра II стратегически (в некоторой исторической перспек-

тиве) отрицали эту композицию. Однако правящее сословие было категорически не готово к такому развитию событий и делало все, что в его силах, для того, чтобы заморозить Россию. В результате росли напряжения, которые проблематизировали образ сакрального правителя. Народным массам стала открываться истина: убеждение «Добрый царь; плохие бояре» ложно. Царь заодно с государством, бюрократией, всеми теми, кто разрушает мир вековой традиции и несет поруху всему христианскому (то есть, традиционному) миру.

Февральская революция и большевистский переворот заданы множеством факторов, но стартовым событием, запустившим инверсию, безусловно, стала Мировая война. В подвале дома купца Ипатьева выяснилось, что русский народ не готов оплачивать миллионами человеческих жизней приступ затаенной паранойи правящего сословия. Торжественная служба по случаю водружения креста на Святую Софию Константинопольскую и наречения Николая II «Императором ромеев» не состоялась. Русский народ был готов воевать, когда государь бил басурман и приращивал землю, необходимую страдающему от малоземелья традиционному крестьянину. Готов бить супостата—агрессора, готов наказывать гонористых полячишек. Но нести бремя полноценной войны на истощение во имя мирового господства отказывался. К 1917 году эта ценностная дистанция категорически разделяла народные массы и т.н. «образованное общество». Отсюда и события 23–27 февраля, и знаменитый «Приказ №1», и провал июньского наступления 1917 года, и стремительный распад армии.

При всей мощи полномочий, сакральный правитель правит в рамках общественного договора, который нигде не зафиксирован, но от этого не становится менее непреложным. В нем два пункта. Во-первых, правитель должен сохранять базовые характеристики традиционного мира. И, во-вторых, обеспечивать воспроизводство социокультурного целого. Попросту говоря, не снижать жизненный уровень всего общества ниже критического минимума.¹⁴ В идеале, верховный правитель должен обеспечивать хотя бы самый минимальный рост жизненного уровня. Мировая война, которая обернулась разрухой, Гражданской войной и голодом в Поволжье очевидным образом нарушала этот общественный договор.

Однако крах конкретного сакрального правителя и задававшей его политической конфигурации не означал завершение эпохи сакральной власти на Руси. Кадры кинохроники, запечатлевшей похороны Ленина, показывают – традиционный русский мужик обрел в эпоху Гражданской войны нового сакрального правителя. Разумеется, общество было расколото. Для проигравших, Ленин был Антихристом.¹⁵ Но та часть народа, которая приняла новую эпоху, переживала Ильича как полноценного правителя. Для этих людей он был жизненно необходим. Крушение «старого мира» лишало традиционного человека любых опор и ориентиров. Сакральный правитель, который ведет наш народ к счастью – новообретенный тотем, альфа и омега новой жизни.

К 1928 году Сталин побеждает в борьбе за власть между наследниками Ленина. Соответственно с конца 20-х годов начинается, то, что в советской историографии называлось «формированием культа личности». Здесь видна огромная и систематическая работа государства. Но сводить все к конструируемому государственному культу – значит безбожно упрощать ситуацию.

Как было сказано выше, сакрализация Сталина разворачивалась в контексте

¹⁴ Подчеркнем, речь идет обо всем обществе. Отдельные категории (инородцы, иноверцы, внутренние враги) могут уничтожаться. Критически важно воспроизводство общества как целого.

¹⁵ Заметим, фигурой также сакральной, но с другой ценностной установкой.

мощнейшей потребности в тотеме со стороны традиционно-архаического общества, пережившего распад социокультурного космоса и мучительно отыскивающего путь к базовым формам мировосприятия.

Резолюции общих собраний и благодарственные письма товарищу Сталину были необходимым социальным ритуалом. Однако факт твоего прощания с трупом вождя никто не контролировал. Здесь мы сталкиваемся с движением души сотен тысяч людей. Автор — помнит этот сумеречный день 6 марта 1953 года. Мать подхватила меня — восьмилетнего мальчика — и мы быстрым ходом пошли в сторону центра. По улице Большая Якиманка, где мы тогда жили, быстро двигались толпы бедно одетых людей и, чем ближе к Москве-реке, тем гуще становилась толпа. Не доходя до кинотеатра «Ударник», мать развернулась, и мы пошли домой. Что двигало этими людьми, что срывало их с места и гнало созерцать вождя?

Здесь мы касаемся глубинных оснований сакрализации правителя. Восприятие верховного правителя как космократора — одна из универсальных идей архаического сознания. Описывая ритуалы аборигенов острова Фиджи, Мирча Элиаде указывает, что церемония возведения короля на трон носит название «сотворение мира», «сотворение земли» или «сотворение суши». Комментируя эти и другие примеры ритуалов возведения на царство, Элиаде пишет: «Легко понять, почему ритуал восшествия на престол повторяет космогонию или празднуется в Новый год. Считается, что монарх обновляет весь космос».¹⁶ Известный нидерландский археолог Фанкфорт пишет — восшествие на престол нового фараона «можно рассматривать как сотворение нового времени, *наступившего после опасного разрыва гармонии между обществом и природой*, и такая ситуация свойственна сотворению мира».¹⁷

Люди кидались к телу вождя в ситуации космической катастрофы. Ушел Предстоятель, защищавший людей от смертельной ярости космических стихий, сломалась магическая инстанция, гарантирующая порядок в этом мире. Увидеть Сталина, значило — магически приобщиться благодати, спрятать себя от опасности, подстерегающей каждого смертного в это ужасное время.

Традиционный россиянин не мог простить Хрущеву десталинизацию, как покушение на базовые основания тотемистического сознания. Во-вторых, Хрущев не укладывался в образ сакрального правителя. Если Сталин был адекватным эпохе идеальным традиционным Вождем — немногословный, говоривший коанами («Оба хуже»), грозный, скрытый от взоров, в ауре истерического славословия, то Хрущев разрушал идеальный образ и, с точки зрения носителя традиции, воспринимался как фигляр. Кроме того, начиная с эпохи Хрущева, разворачивается зримая деградация традиционного космоса. Доживавшая в колхозном гетто традиционная деревня вступает в эпоху исторического снятия. Люди бегут в города, в каждый дом приходит телевизор, наступает урбанизация, растет общее образование, рушатся последние устои патриархального мира.

Правление Брежнева длилось 18 лет и составило целую эпоху. Временная тяжесть работала на опривычивание жизни под новым Верховным правителем. Стилистически Брежнев не вытягивал на традиционного вождя. Но, с точки зрения массового человека, его правление имело одно безусловное достоинство. Мы имеем в виду то, что позже было названо «застоем»: стабильность, консервация социально-культурной реальности и очень медленный, но неуклонный рост уровня жизни

¹⁶ Мирча Элиаде. Аспекты мифа. М. 2010. С.50.

¹⁷ I Kingship and the Goods. Chicago. 1948 . P. 150.

(Надо помнить, что в исходной позиции, к середине 50-х годов советское общество пребывало в нищете).

Брежневская эпоха была последним периодом, в котором просматривается низовая сакрализация Верховного правителя. Но — всего лишь просматривается в определенных слоях общества. Если смерть Сталина потрясла весь советский народ, то смерть этого Генерального секретаря захватывала старушек и пожилых людей из простонародья. Надо было видеть глаза и лица этих людей. Ужас и мера потерянности, демонстрируемая носителями традиции, была несоразмерна рациональному переживанию ситуации. Происходило то, о чем писал Фанкфорт — смерть правителя есть разрыв гармонии между обществом и природой. Сломалась магическая инстанция, гарантирующая порядок в этом мире. Потерянные бабушки оказывались один на один с хаосом. «Что-то теперь будет?».

Со смертью Брежнева завершается период сравнительно стабильного существования СССР. Страна вступает в переходную эпоху, которая длится до сегодняшнего дня. Причем, темп изменений постоянно нарастает. Часто, вопреки устремлениям правящей элиты, стремящейся в очередной раз «подморозить Россию». Чехарда правителей и смена исторических эпох категорически отрицала тренд сакрализации власти. А новая социально-культурная ситуация, сложившаяся после 1991 года, проблематизирует перспективы сакрализации. Рыночная экономика, последовательное снятие государством с себя социальных обязательств разрушают последние основания патерналистского космоса. Массовый субъект сегодняшней российской реальности рассчитывает на себя, на личные связи. Освоенные им модели разрешения жизненных ситуаций лежат в совершенно иной плоскости, нежели упования на Власть предрешающую и надежды на вознаграждение за «правильное» поведение.

Сектор общества, востребующий сакрального правителя, минимизируется в объеме и смещается на глубокую географическую и социальную периферию. Сакральное отношение к Правителю демонстрируют провинциальные бабушки, пишущие письма Президенту с конкретными просьбами. Мы наблюдаем процессы «истончания», оттеснения и деградации пласта носителей традиционной ментальности, заданные фронтальной модернизацией всего общества.

САКРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ ГЛАЗАМИ ПОДДАННЫХ: КУЛЬТУРНЫЕ СМЫСЛЫ САКРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Адекватный носитель традиционно-архаического сознания, переживающий соприкосновение с сакральной Властью не может сказать что-либо вразумительное, с точки зрения рационального человека Нового времени, притом, что описанные переживания для него исключительно важны. Здесь возможно антропологическое и культурологическое исследование. Массовый же человек Нового времени просто сталкивается с чем-то чужеродным и непонятным. Люди, поклонявшиеся сакральной власти, воспринимаются им как мало постижимые существа, принадлежащие позавчерашнему дню.

Перед нами интересный историко-культурный феномен: в ходе качественных скачков в истории формируются две культуры (старая и новая), различающиеся базовыми установками и картиной мира настолько, что диалог между ними не возможен. Также невозможно понимание и сколько-нибудь адекватная интерпретация альтернативы из «нашего» пространства. Иное воспринимается как нечто непостижимое, вздорное, либо чудовищное.

Чаще всего мы воспринимаем феномен сакральной власти в контексте противостояния и борьбы с нею отдельных людей и сообществ, воплощающих стадийно последующий социокультурный космос, идущий на смену. Между тем, адекватное восприятие данного феномена требует погружения в традиционную реальность, адекватную такой власти и востребующую ее.

Сознание человека Нового времени, ориентированного на ценности правовой демократии, отторгает сакральную власть на уровне безусловного рефлекса. Кадры кинохроники показывавшие истерические рыдания поданных товарища Ким Ир Сена, передающие особенное, ни с чем не сравнимое чувство вины и страха в дни, следовавшие за кончиной земного бога, в среднем человеке Нового времени не вызывают ничего, кроме жалости к этим несчастным и презрительного дистанцирования. Однако в кадрах хроники нам явлен один из высоко значимых сюжетов много тысячелетней истории Востока. Это явление заслуживает самого пристального внимания и постижения.

Перечислим основные характеристики сакральной власти:

I. Онтологическое измерение –

Источник бытия. Сущность, онтологизирующая собой весь культурный космос. Смыслонаделяющее и вызывающее к жизни начало. Сила, предстательствующая перед космическими стихиями. Космосоздающее и упорядочивающее Вселенную начало;

Источник истины;

Совершенна и блага;

Едина и неделима (нераздельна);

Наделена высшим, непререкаемым авторитетом;

Источник нравственной и правовой нормы, пребывающий над каким-либо нравственным судом;

Всесильна и всемогуща;

Вечна (и по отношению к прошлому, и по отношению к будущему);

Надличностна, надчеловечна;

Необъемлима человеческим рассудком, закрыта для умствований.

II. Социологическое измерение –

Отделена от общества, скрыта от взоров;

Вне критики;

Вне ответственности;

Источник права стоящий над законом; Держательница мира, владелица всего сущего;

Власть -моносубъект;

Основание патерналистского космоса;

Податель всех благ и их генеральный распределитель;

Сила, стремящаяся охватить все стороны бытия общества и человека.

Разворачивая наше исследование надо помнить о том, что рассматривая образ сакральной власти, как он сложился и живет в традиционном российском сознании, мы описываем некоторую идеальную конструкцию. В своей полноте она реализуется лишь на некоторых этапах российской истории. На других – размывается и разрушается. Иногда (совсем ненадолго) даже отвергается. Однако российское целое стремится к этому идеалу как к органичному и равновесному состоянию, образ которого предшествует реальности, ибо пребывает в пространстве ментально-

сти. Традиционный мир восстанавливает сакральную власть, и, пока он будет жив, стремление воспроизвести описанную конструкцию во всей полноте сохраняется. В какой мере и на каком временном промежутке удастся это реализовать, зависит от факторов и детерминатив совсем иного порядка.

С учетом этих оговорок, рассмотрим заявленные выше признаки более подробно. Некоторые из названных характеристик заслуживают отдельного рассмотрения. Некоторые можно агрегировать и рассматривать вместе.

Источник бытия. Сущность, онтологизирующая собой весь культурный космос. Смыслонаделяющее и вызывающее к жизни начало. Космосозидающее и упорядочивающее Вселенную начало. Сила, предстательствующая перед космическими стихиями.

По существу здесь развернуты характеристики тотемистического переживания власти. Власть выступает источником бытия в том смысле, что без власти и за ее рамками отдельный человек становится «сиротой безначальной». (Эту характеристику мы встречаем и в прозе эмигранта Ивана Шмелева, и у писателей-деревенщиков). «Наш» человек, сын традиционной культуры существует постольку – поскольку чувствует над собой Власть, как животворящую и космосозидающую силу.

Нет этой власти и его собственная жизнь, жизнь его близких, и, вообще, всеобщее бытие утрачивает смысл. Непонятно, почему надо вставать, работать, воспроизводить социально-культурный космос, из которого вынут главный стержень. Наш человек запьет, начнет растаскивать колхозное и заводское имущество, свозить в пункт приема металлолома бронзовые и медные детали. Мы наблюдали эту картину в девяностые годы.

Традиционный человек не только утратил ориентиры. Иссякла его жизненная сила. Зачем барахтаться, за что, и во имя чего бороться? Перед нами феномен утраты онтологических оснований в самом прямом и строгом смысле. Если рухнула Власть, то жить по законам государства и цивилизации нет никакого смысла. Устоявшиеся жизненные сценарии рухнули. Скачкообразно снизилась рождаемость, молодые люди перестали поступать в высшие учебные заведения. Молодежь из традиционной среды шла в местные ОПГ. По стране пронеслась эпидемия смены входных дверей. Люди ставили себе стальные двери, в которых стояли хитрые немецкие замки. Если нет твердой Власти, то кто и что может тебя защитить? Лишь к концу 90-х, когда массовый обыватель прошел длительный и болезненный период опривычивания новой реальности и новой Власти, когда он свыкся с новой конфигурацией социокультурного космоса – жизнь традиционного сектора общества стала налаживаться.

В мемуарах и прозе, относящихся к эпохе Гражданской войны, мы находим типологически близкую картину. Государство не только придает смысл бытию «нашего человека», но и *понуждает* его жить в соответствии с моделями цивилизованного бытия. В самом себе носитель российской традиции этих моделей не обнаруживает.

К тотемистическому переживанию власти примыкает следующий атрибут: *Сакральная власть – иконический образ социального абсолюта;*

Власть есть тотемистическая номинация социального абсолюта. То есть – «нашего» народа и «нашей» веры. В строгом смысле приведенные выше слова не понятия или определения, а все, что угодно – междометия, иероглифы, возгласания, образы. За этими иконическими значками стоят сущности, восходящие к бытию до слова, некоторые переживания невыразимого, отсылающие к сокровитому (прежде всего, сокровитому для субъекта переживания). Это сгущение социального абсолюта, его инобытие, магическая целостность, представленная в двух пространствах:

«здесь» — в мире чувственно постижимого, и «там» — в пространстве трансцендентного (Мы говорим о единстве Власти земной и небесной).¹⁸

Власть имяназывает, наделяет смыслом, упорядочивает и представляет совокупность подвластных («наш» народ), вбирает в себя, покрывает омофором и уберегает от природных стихий. Она водительствоует, задает параметры бытия, обеспечивает воспроизводство космоса, уберегает от сил хаоса. Власть божественна и в этом смысле абсолютна. Традиционный народ без власти не возможен и не помышляем. Как писал Сергей Булгаков «Я любил Царя, хотел Россию только с Царем, и без Царя Россия была для меня и не Россия... Зачем же нам Царьград, когда нет Царя?».¹⁹

Эта характеристика выражает суть тотемистического переживания. Власть есть образ целого, мистически равный этому целому, а целое есть образ Царя Небесного. На данную тему много написали православные и католические богословы, конструировавшие идеологическое обоснование сакрального статуса власти, поставляемой и духовно ведомой церковью. Однако такое переживание власти демонстрируют миллионы людей, не только не знакомые со сложными богословскими построениями, но не знающие «Отче наш» и «Символ веры». Иными словами, подкладка существенно старше христианства и восходит к архаическому тотемистическому переживанию бытия.

Твердые атеисты еще вчера, простые советские люди видели и видят в конкретных персонах предметно-чувственное воплощение идейных комплексов и социальных институтов. И это естественно. Тотем принципиально локален и единичен. Но он выражает/(представляет, воплощает) множества и целостности. Человек, не способный к понятийному мышлению, воспринимает сложные, множественные категории через тотемы их представляющие.

Отсюда вытекает *Персонализация как базовая потребность архаического сознания.*

В общем смысле Власть выступает выразителем некоторых институтов, базирующихся на определенных идейных комплексах. Такие сущности как государство (как совокупная целостность Власти и подвластных), аппарат управления, государственная идеология, политические институты и традиции — все это в совокупности выступает генеральной целостностью, покрываемой традиционным сознанием в обобщающих определениях «мы», «наш мир», «наша Держава». Однако традиционно-архаическое сознание не мыслит мир расчлененными конструктами и не способно осваивать идейные комплексы и институты. Ему необходима персонализация этих сущностей. Поэтому в частности партии в России сплошь вождистские.

Вот, что пишет на эту тему профессор А.Зубов — «Интеллигенция предлагала большинству народа (95% граждан России) предельно упрощенный политический ситуационный анализ. Но даже самый простой абстрактный дискурс не усваивается интеллектуально неразвитым сознанием.

Простым, плохо образованным людям нужна персонализация идеи. Они к этому привыкли, она для них естественна. Потому-то интеллигенция и выделяла из своей среды «вождей народа», не державных, но боровшихся за державу с монархами. Поскольку эти «плебейские вожди» боролись за власть с царями ради народа — их лозунг повсюду «Долой самодержавие!». Поскольку церковь поддерживала царей — они антиклерикалы, а порой и откровенные безбожники. Поскольку властители купались в богатстве — они подчеркнута аскетичны. По крайней мере,

¹⁸ Данная проблематика разрабатывалась в византийском богословии в эпоху борьбы с иконоборчеством. Икона трактуется как вещественный, то есть материальный знак, отсылающий к нематериальному, небесному миру.

¹⁹ Булгаков С.Н. Агония//Булгаков С.Н. протоиерей. Автобиографические заметки, Дневники. Статьи. Орел 1998. С. 44.

выставляли себя таковыми».²⁰ Соглашаясь с профессором Зубовым, заметим, что проблема глубже и не исчерпывается слабо разработанным понятийным мышлением. Ставка на «вождей» — рефлекс тотемистического сознания. Традиционному человеку требуется сущность, магически равная целому. Сущность, которую *не надо понимать, а можно переживать*. Чувствовать сердцем.

Носитель абсолютной истины

Речение от имени власти истинно и в этом смысле самодостаточно. Оно не требует, каких либо доказательств, аргументов, отсылок. Истинность его удостоверяется именем высказывающей инстанции.

В пятидесятые — начале шестидесятых годов прошлого века в советских СМИ время от времени делались любопытные заявления. Озаглавливались они примерно так «По поводу очередной злонамеренной шумихи в буржуазной прессе» и касались разных аспектов советской внутренней или внешней политики. В этих заявлениях советским людям сообщалось, что в американской, английской, западногерманской прессе началась очередная компания клеветы на Советский Союз, поводом для которой послужили измышления западных политиков или продажных журналистов по поводу тех или иных событий (убийство африканского студента в Москве, политика СССР по отношению к странам Азии и Африки, гонения на сектантов в нашей стране, бегство граждан из стран соцлагеря и т.д.). Примечательным в этих текстах были последние абзацы, в которых сообщалось, что вчера представитель МИДа или другой правительственный чиновник выступил с опровержением клеветнических измышлений.

Самым примечательным, всякий раз, была заключительная фраза: «Таким образом, очередная клеветническая компания буржуазной прессы потерпела провал». При этом никаких доказательств истинности утверждения мидовского чиновника не приводилось. Советский человек не нуждался в доказательствах. Каждое слово, исходящее от власти истинно по определению.

Хорошо помню, как меня — подростка, поражала логика таких заявлений. Потому и запомнились эти пассажи. Что же касается массового слушателя, то у него, по всей видимости, вопросов не возникало. Авторы читаемого по радио текста рассчитывали на априорное доверие, подтверждали его как сущность самоочевидную и формировали. Надо полагать, они знали свой народ.

Эти характеристики сакральной власти осознаны и описаны более двух тысяч лет назад. В изложении Плутарха, Антигон заметил, что у варваров «прекрасно и справедливо все, что делают цари, у нас же прекрасно только прекрасное и справедливо только справедливое».²¹

Речение от имени Сакральной Власти оформляется соответствующими ритуалами, которые свидетельствуют доподлинность властного речения. В допетровской Руси думный дьяк читал государевы указы с Красного крыльца (Грановитой палаты). С эпохи Петра российские правители издают Манифесты, которые возглашаются священниками в храмах. Манифесты посвящаются важным указам и событиям — вступление в силу новых законов, вступление России в войны, отмена крепостного права и т.д. Чреда манифестов завершилась манифестом от 2

²⁰ Андрей Зубов. Вождей нет, потому что они не нужны. «Ведомости» 27.02.14

²¹ Плутарх. Застольные беседы. Наука Л. 1990 С.38.

марта 1917 года, в котором Николай II отрекается «от престола государства российского».

Заметим, что манифесты издавал и Емельян Пугачев (разумеется, от имени императора Петра III). Эти манифесты не только оповещали подданных о его политике, но и свидетельствовали о подлинности царя. Понятно, что, для твердого в вере православного, текст возглашаемый священником в храме сакрален и истинен в абсолютном смысле.

Советская практика презентации высшей Власти и властных речений складывалась медленно, на фоне развития СМИ и формирования всеохватной информационной среды. Строительство Мавзолея и переоборудование Красной площади задали канон праздничных демонстраций (7 ноября; 1 мая; позднее 9 мая). Стоящие на Мавзолее вожди являли себя подданным, а подданные непосредственно созерцали вождей. В экстраординарном случае Великий вождь обратился к советскому народу по радио (3 июля 1941 года). Номенклатура выступлений вождей дробится — выступление на съездах ВКПб/КПСС, праздничных собраниях. Существенно позже, при Горбачеве, складывается традиция обращения к советскому народу в Новогоднюю ночь, которая плавно перешла в постсоветскую эпоху.

Параллельно с этим формируется коммуникация *от имени Власти*. Ее осуществляют советские СМИ. Газеты «Правда», «Известия», радио, позже первые каналы телевидения излагают официальную картину мира, санкционированную Правительством. Ее комментируют, повторяют, разъясняют и вбивают в головы поданных журналисты-международники, обозреватели, деятели культуры. Факт выступления в официальных СМИ, специфический стиль изложения, ожидаемая картина мира свидетельствуют о подлинности и «правильности» каждого высказывания. Поколения советских людей исполнены убеждения, что *телевизор не может врать*. За этим убеждением не стоит знание тех или иных авторов, выступающих с телеэкрана. За этим стоит твердое знание того, что телевизионные каналы вещают от имени государства.

Власть онтологически истинна

Этот атрибут означает, во-первых, что любое утверждение от имени Власти истинно. И, во-вторых, что истина о стране и мире исчерпывающе удостоверяется суждениями власти.

Сакральная власть — единственный источник, возвещающий о значимых событиях. Власть удостоверяет событие и наделяет его статусом бытийственного. Того, что не объявлено и не признано властью, не существует.

И это — очень интересный феномен традиционно-архаического сознания. Источник *знаний о мире — вера*. Традиционный человек абсолютно доверяет Власти. Какие бы то ни было собственные наблюдения, умозаключения, размышления возможны в горизонте микрокосма. Если эти наблюдения окажутся в конфликте с официальной картиной мира, данное обстоятельство не будет осознано, (либо будет табуироваться к осознанию). Получит объяснение как частный случай и т.д. Если власть не сообщила о чем бы то ни было, значит этого не было. Советские старушки совершенно искренне утверждали, что в СССР не было всего того ужаса, который обрушился на них в ходе перестройки. В телевизоре ничего такого не сообщали.

В старом еврейском анекдоте муж, заставший свою жену в постели с любовником, слышит следующую тираду «Если ты веришь своим глазам больше, чем моим словам, то

дело пахнет разводом». «Правильный» носитель отечественной традиции неизмеримо больше верит словам власти, нежели своим глазам. Он видит мир ее глазами.

Мы говорим об универсальной характеристике традиционного сознания. В данном аспекте малограмотные советские старушки ничем не отличаются от «людей света» XIX века. Обратимся к конкретному эпизоду, раскрывающему сознание элиты империи в конце 70-х годов XIX века: Взрыв на Московско-Курской железной дороге 19.11.1879 года – был очередным терактом «Народной воли», преследовавшим цель убийства Александра II. Князь Д.Д. Оболенский описывает реакцию царского окружения на сообщение о взрыве в поезде Московско-Курской железной дороги 19 ноября 1879 года. Ехавший на взорванном поезде князь столкнулся при дворе с отказом верить в случившееся. «Шеф жандармов восклицал: *«не может быть: у меня нет депеши»*, а московский генерал-губернатор В.А.Долгоруков, схватив Оболенского за пуговицу мундира, «долго тормозил ее приговаривая: *«Никогда, никогда»*».²²

Подобная история разыгрывается в связи со взрывом в Зимнем дворце (05.02.1880). Хозяйка великосветского салона Александра Богданович «безусловно знавшая о происшествии во дворце из первых рук», от посетителей «и два дня спустя «с трудом верила» правдивости известия о покушении, поскольку не было правительственных оповещений».²³

Как мы видим, свидетельства прямого очевидца, хорошо знакомого, принадлежащего к «нашему кругу» недостаточно. Событие возникает в момент поступления правительственной депеши.

Суждение от имени Власти является окончательным, завершающим любую полемику. Люди старшего поколения помнят: любая научная или общественная полемика (а в СССР случалось и такое) заканчивалась статьей в «Правде», или «Известиях», которая фиксировала окончательное суждение от имени Власти. После этого проигравшей стороне оставалось каяться и признавать ошибки.

Предлагаю вам две цитаты. Первая – «РКП никогда не ошибается, РКП всегда права, РКП всегда предвидит правильно ход событий, РКП обладает в максимальной мере талантом, умом и характером. В промежутках между партийными съездами этими качествами обладает ЦК РКП, а в промежутках между заседаниями пленумов они принадлежат Политбюро ЦК». (Ю.Ларин, из Приложения к «Правде», 1923 г. Выступление на XII съезде РКП.) Вторая – «Церковь свята. Это свойство церкви, можно сказать, самоочевидно... Жизнь церкви есть некая высшая деятельность, к которой мы приобщаемся, а через то и освящаемся. ... Святость есть самое существо церковности – можно сказать, что иного ее свойства не существует». (С.Булгаков. «Православие. Очерки учения православной церкви», т. 2.) Доверие к власти как носителю абсолютной истины возникает из ее сакральной природы.

Причем – власть истинна как целое в своем соборном единстве, отдельные ее представители могли ошибаться. И тогда возникали «антипартийные группы Маленкова, Кагановича, Молотова и примкнувшего к ним Шепилова» (1957 г.). Отметим, что церковь устроена таким же образом. Проигравшие в общецерковной полемике объявляются фанатиками – сектантами и отлучаются от матери-церкви.

²² Юлия Сафронова. Русское общество в зеркале революционного террора 1879-1881 годы. НЛО, 2014. С.47.

²³ Юлия Сафронова. Там же. С.47.

Совершенна и блага. Источник совершенства

Автор настоящего исследования работает с понятием *истинно-благо*. Под истинно-благом понимается восходящее к переживанию архаического ритуала как палеосинкретической целостности сакрального, где истина и благо еще не распались, не выделились в самостоятельные аспекты бытия. В своем идеале сакральная власть и есть истина—благо. Ибо она несет истину, которая имеет нравственное измерение и есть благо для подданных. Исследуя традиционную культуру, А.Ахиезер указывал на то, что понятие «правда» в народном сознании категория не гносеологическая, но нравственная. «По правде» означает: по справедливости. Нельзя не отметить культурологическое чутье большевиков, озаглавивших свою главную газету «Правда». В традиционном сознании слово «правда» соответствует истина-благу.

Так вот, сакральная Власть и есть истина-благо. Ее действия направлены на утверждение справедливости, а также всемерно способствуют благорастворению воздушных и изобилию плодов земных.

Традиционный человек живет в априорном убеждении, что истина тождественна благу и оборачивается благом. Не в том смысле, что, адекватно понимая реальность, мы можем вырабатывать успешные стратегии. Нет, истина по природе своей несет благо «нашему», «простому человеку». Понятие «правды» тождественно справедливости. По правде, барскую и кулацкую землю надо раздать крестьянам поровну (непонятно только, по числу едоков в семье или по работникам). По правде, всем надо платить поровну. Но старший должен получать больше; у него семья. Здесь не все концы сходятся с концами, но традиционный человек убежден, что в мире, где окончательно восторжествует Правда с большой буквы, все противоречия снимаются. Сакральная власть потому и принимается традиционным человеком, что он верит: когда-нибудь она приведет наш народ к Беловодью.

Здесь вспоминается любопытная практика из советской эпохи: в 60–70-х годах члены Политбюро ЦК КПСС могли посетить рынок или обычный советский магазин. При этом естественно присутствовали журналисты, а само событие попадало в газетную и телевизионную хронику. Примечательным во всем происходящем было то, что перед визитом в магазин завозили товары, которых обычно там не было. Не то, чтобы создавалось вызывающее и баснословное изобилие, но получалось явно лучше, чем на самом деле. Магазин приближался к советскому идеалу «Удовлетворения растущих потребностей населения». Все знали, что это туфта. В эпоху Перестройки описанная практика попала в сферу внимания публицистов. Помнится, Ю. Нагибин вопрошал — «Кого обманывают? И начальство, и подчиненные, и зрители этой сцены знают, что магазинов с таким ассортиментом нет. Небеса обманывают что-ли?»

Объяснение данной практики лежит за рамками элементарного расчета на обман, и связано с природой Власти. Сакральный правитель несет в себе совершенство и магически преобразует окружающую реальность, приближая ее к эсхатологическому будущему. Чиновники, установившие такую практику, скорее всего не мыслили в историко-культурных категориях и были чужды антропологическим компетенциям. Но тонко чувствовали природу подъяремных, и понимали, что «так будет лучше».

И, наконец, любое суждение, проблематизирующее истинно-благий характер власти, есть клевета. Согласно III Программе КПСС (1961 г.), антикоммунизм: «политическое оружие империализма, основным содержанием которого является... клевета на социалистический строй, фальсификация политических целей

коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма».²⁴ С этой цитатой хорошо соотносится высказывание из работы «Об истинности православия и сектантстве» (Практическое руководство по приходскому консультированию СПб 2009 г.): «Сколько существовало человечество, столько существовали и секты, состоящие из групп фанатиков, следующих за неким лидером».²⁵

Надо помнить и о том, что сакральная власть имела развернутое идеологическое обоснование, в котором она выступает как инструмент божественной благодати. Вот как раскрывает эту тему монархист Л.А.Тихомиров: «Ограничить самодержавие — это значит упразднить верховную власть нравственно религиозного идеала, или, выражаясь языком веры, упразднить верховную власть Бога в устройении общества... Необходимость монарха для нации обуславливается верностью самой нации духу, признающему нравственный идеал за высший принцип. Если этого духа нет — Монарх становится излишен и невозможен, ему остается удалиться от места нравственно опустелого. Оно тогда — ниже его, недостойно его».²⁶

Это писал человек абсолютно искренний и свято верующий в истинность своих убеждений. Освященная церковью традиционная Власть блага по онтологическим основаниям. Благой характер Советской Власти обосновывался в тех же логических конструкциях. Он гарантировался истинно-благим характером Великого учения и Партией, творившей светлое будущее в нерушимом единстве с советским народом.

Едина и неделима

Из истинно-благой природы сакральной власти вытекает единство и неделимость властного тела. Перед нами — один из важнейших атрибутов сакральной власти. Ибо *совершенная сущность нераздельна*. Культура, базирующаяся на идеале синкрезиса, не может помышлять разделение сакрального. Разделение власти в себе самой означает как гибель власти, так и гибель традиционного мира. Это связано с изоморфизмом модели власти, или структуры властных отношений, и структуры социокультурного универсума. Власть выступает как отображение модели общества или, в равной степени, Власть задает собой структуру подвластного.

Мы исходим из того, что в устойчивом обществе реализуется единство трех сущностей: структуры ментальности, структуры социокультурного организма и структуры деятельности. Нерасчлененность синкретического сознания с необходимостью задает нерасчлененную целостность социального абсолюта.

В культурах характеризующихся распадом синкрезиса, ориентированных на выделение автономной личности и взаимодействие отдельных субъектов формируется власть — социальный институт, которая обязательно разделена на отдельные структуры, взаимодействующая между собой согласно четко оговоренных правил и процедур. В культурах, противостоящих автономизации отдельной личности и ориентированных на поддержание нерасчлененного целого, власть складывается как целое, трансцендирующее себя относительно общества, то есть сакральная, принцип действия которой никем не оговорен и есть великая, неизреченная тайна.²⁷

²⁴ Третья программа КПСС. 1961? с.51–52

²⁵ spravoslavia.ru>ob-istinnosti-pravoslaviya...i...

²⁶ Л.А.Тихомиров Монархическая государственность. СПб 1992. С.457–458

²⁷ Разумеется, речь идет не о нормативной модели, которая может быть прописана и отражена в документах, но о реальных механизмах власти, о которых подданные могут только догадываться.

То, что власть в царской России была едина и неделима, вытекает из автократического принципа. Здесь самодержавие стояло в самом буквальном смысле насмерть.²⁸

В советском обществе это единство было явлено предельно четко. Совмин, Верховный Совет и Центральный Комитет выступали как три ипостаси единой сущности. Формальное разделение на законодательную, исполнительную и судебную было данью идеологической форме. Как в аппарате ЦК, так и на уровне областей существовали отделы, курирующие соответствующие отрасли экономики и сферы общественной жизни. И в этом смысле, управление осуществлялось из одного центра. Все вожди, прежде всего, были членами Политбюро, а партийная, советская или хозяйственная работа были поприщами, на которые направила их Партия.

Обращаясь к постсоветскому этапу нашей истории, мы можем наблюдать, как принцип единства и неделимости власти, на фоне деклараций и правовых актов, утверждающих разделение властей и независимость отдельных ветвей и институтов, побеждает любые конституционные нормы и декларации.

После 1991 года, с самого начала формируется Администрация президента, дублирующая функции государственных ведомств. Медленная, но неуклонная трансформация электорального процесса выжимает из политики нежелательные для власти партии и персонажи. Если в 90-е годы верховная власть имела в Государственной думе реальную оппозицию, с которой приходилось взаимодействовать и находить общий язык, то к десятым годам Дума очищена от любых не провластных включений и превратилась в визирующую инстанцию. Сходные процессы разворачивались в СМИ. Государство выдавило из информационного пространства любые сколько-нибудь независимые издания. Так называемая «четвертая власть» попала под власть Администрации президента. С судом все обстояло еще проще. Здесь система жесткого управления судебными органами, существовавшая еще в советскую эпоху, сохранилась в нетронутом виде.

Таким образом, произошло самовосстановление базовой модели единой и неделимой власти. Она и только она оказывается органичной, приемлемой для миллионов людей и способной поддерживать стабильность в обществе. История показала: разделение властей на Руси возможно только в контексте полного разрушения традиционного универсума.

Наше понимание описанного состоит в том, что данная эволюция задана не персоналиями, которые на разных этапах постсоветской истории оказались «наверху», а неумолимой логикой самоорганизации традиционного целого. После краха предшествующей модальности общество ищет новое место в мировом целом, нащупывает жизнеспособные и устойчивые формы экономики и культуры и, минимизируя изменения, неумолимо возвращается к базовым характеристикам. Результат может существенно отличаться от предшествующей модальности. Но базовые, структурообразующие характеристики воспроизводятся. Это суждение относится ко всем аспектам эволюции, переживаемой российским обществом после 1991 года.

Более того, сами персонажи, оказывавшиеся во главе (Гайдар, Черномырдин, Кириенко, Примаков, Степашин, Путин), задавались этапом процесса распада исходной модальности, ее корректировки и самосборки новой модальности традиционного целого.

Характеристика – *Наделена высшим, непререкаемым авторитетом*, органично вытекает из истины, блага и совершенства Власти.

²⁸ Николай II предпочел дожидаться революции, нежели санкционировать «Правительство общественного доверия», которое вышибал из верховной власти Прогрессивный блок.

Вообще говоря, у проблемы авторитета власти есть два аспекта или измерения: политика самой власти, формирующая позиционирование властного высказывания как абсолютно истинного и высшего авторитета, и отношение общества, к которому обращено это высказывание. Эти позиции могут совпадать, а могут и не совпадать. Так, в позднем СССР жили честные советские люди и граждане, слушающие «Би-Би-Си», «Голос Америки», читающие самиздат и так далее. Для этой категории граждан проблема авторитета властного высказывания представала совсем в ином свете. Поэтому в частности Перестройка и Гласность стали глотком свежего воздуха для миллионов людей и вызвали всплеск энтузиазма в среде советской интеллигенции.

Если говорить о традиционном субъекте, минимально затронутом процессами вестернизации, то в нем живет исходная потребность свято доверять «нашей Власти».

На самом деле, все не так просто. С одной стороны, Власть не раз обманывала обывателя, а он при случае систематически обманывает власть. С другой стороны, в больших, принципиальных вопросах (жизни и смерти, войны и мира, врагов и друзей, в стратегических поворотах) традиционный человек верит власти абсолютно. Как это противоречие уживается в одной голове, специальный вопрос. В общем виде на него давно дан ответ. Традиционное сознание не фиксирует противоречий в собственных установках и картине мира. Итоговую диспозицию можно сформулировать так: доверие в главном, скепсис в частности, в том, что лежит в сфере кругозора и забот маленького человека.

Опыт отношения к Власти копирует ситуацию традиционной семьи. Ребенок по мелочи обманывает родителей: врет, что уроки сделаны, скрывает двойки, ворует конфеты из буфета, и так далее. Родители скрывают от него скандальные обстоятельства и неудобные детали собственной жизни. Однако из разговоров старших ребенок узнает если не обо всем, то о многом из того, что от него скрывают, или, в чем его обманывают. Традиционно старшие врут детям, это обычная практика. При всем том, никого ближе родителей у него нет и в главном, основном, он верит им свято, что естественно. С традиционной властью складываются примерно такие же отношения.

Исторически народ верил священнику и относился к нему с пиететом (при этом, что подсмеивался над батюшкой и злословил за глаза). В советскую эпоху была проведена огромная работа по профанации церкви. Сегодня мы наблюдаем противоположный тренд. Суждение от имени церкви продвигается в качестве высшего, непререкаемого авторитета. Круг этих высказываний — о нравственности, России и русском народе, о добре и зле, о нормах и ценностях, о практиках и обычаях, о том, что пристало и чего не пристало делать «нашему человеку». В рамках предельно широкого контекста общественной и культурной жизни, информационной политики, школы, гражданам объяснили, что «русский — значит православный». Соответственно, позиция церкви по всем вопросам подается и оформляется не как одно из возможных мнений, но как итоговое суждение, как безусловная истина.²⁹

Характеристики — *Источник нравственной и правовой нормы, пребывающий над каким-либо нравственным судом, и источник права, стоящий над законом* — надо рассматривать вместе.

²⁹ В последнее время стало заметно раздражение и отторжение этой практики обществом

Начнем с права

Едиственный закон, который может описать реальность существования верховной власти в России, состоит в том, что российская власть пребывает над каким бы то ни было законом, не объемлема правом и представляет собой креативную сущность, создающую, в том числе и нормы, регулирующие жизнь подданных. Однако сама верховная власть этим нормам не подчиняется. Любой закон, дающий самые широкие права и полномочия, есть норма, ставящая границы и регулирующая нечто. Российская власть — сущность апофатическая. Природа ее в словах невыразима, в законах не описывается и никакими рамками не ограничена.

Разумеется, мы говорим об автомодели. В реальности российская власть задана суммой факторов и имеет дело с непреложными ограничителями. В качестве примера можно указать на следующий: русский народ свергает правителя или рушит/трансформирует правящий режим в случае проигранной войны. Проигранная Ливонская война обернулась Смутой и сменой династии. Проигранная Крымская компания — самоубийством Николая I и великими реформами Александра II. Проигранная русско-японская — Первой русской революцией и серьезной трансформацией самодержавия. Проигранная Первая мировая — полным крахом последнего и распадом Империи, которую пришлось собирать заново. Проигранная Холодная и Афганская — завершением коммунистического проекта и крахом СССР. Но это знание табуировано. Российская власть мыслит себя вечной и непобедимой.

Далее, российский правитель не может пойти против правящего сословия как целого.

Острой на язык даме — Мадам де Сталь приписывают фразу: «Власть в России есть абсолютная монархия ограниченная удавкой». Мадам имела в виду судьбу Павла Петровича.

Власть не может реализовать курс на разрушение базовых оснований традиционного целого и т.д.

В периоды трансформаций российская модель власти рушится, но остается в ментальности осиротевших подданных, которые восстанавливают ее к концу переходного периода. Мы можем вспомнить о крестоцеловании Василия Шуйского, об ограничительных записях Михаила Федоровича Романова, о годах правления царя совместно с Земским Собором, но есть и примеры гораздо ближе. Посмотрим на цикл, который переживает наше общество. Формально существуют все правовые и политические институты, обеспечивающие «сдержки и противовесы» верховной власти. Однако реально власть освобождается от этих механизмов и существует вне какого-либо права. (Подчеркнем, не вне любых детерминантов. Они есть и достаточно жесткие, но вне права и зафиксированных в праве институтов). Наше убеждение состоит в том, что это не завоевание правящей бюрократии, а непреложная логика самоорганизации традиционного целого.³⁰ По другому, российская система не работает, а целое рассыпается.

В истории человечества отработаны две системы базовых ориентиров: Одна предполагает главенство иерархии; другая — главенство законов, норм и правил, признанных в обществе как безусловные. В традиционной российской культуре реализован *безусловный приоритет* иерархии над системой норм. Это не означает, что

³⁰ Эволюция института инпичмента, или деградация практики предвыборных дебатов кандидатов в президенты — наглядный пример «отсыхания» чуждых русскому целому новаций, которые не удается выхолостить.

люди не знакомы с законами, моральными нормами, принципами. Это означает, что иерархия и приоритет сохранения традиционной целостности в ситуации жесткого конфликта выступают как императив.

Данное суждение касается не только верховного правителя, или «слуг государевых», но распространяется на все срезы и уровни традиционного целого. В конфликте пожилого и молодого, уступить должен молодой. В конфликте невестки и свекрови главенствует свекровь. Сын или дочь всегда должны покориться отцу. Младший брат — старшему. Школа иерархического послушания — главное звено в школе социализации. В данном случае мы имеем дело с универсалией традиционной культуры.

Люди, заставшие более или менее сохранившийся традиционный мир, помнят, что в большой патриархальной семье серьезные конфликты стремятся погасить общими усилиями всех домашних. Особенно в это включены женщины. Причем, конфликт всегда снимается таким образом, что статусно и возрастно младший покоряется старшему вне зависимости от того, кто виноват с точки зрения безусловных этических принципов. Носители ценностей патриархальной иерархии давят на строптивых, уговаривают их, подвигают к компромиссу. В ход идут аргументы типа: «Ты меня убиваешь, я этого не перенесу» и т.д.

Неподсудность высшей власти естественно и безусловно вытекает из такой установки. Ранг властителя определяет меру его иммунитета, а на определенном уровне властное лицо становится абсолютно неподсудным.

Примат иерархии эволюционно первичен. Он наблюдается уже на уровне стадных млекопитающих. Однако, и там есть механизмы смены неадекватного, либо неэффективного альфа-самца. Система представлений, согласно которой все граждане без изъятия, в том числе и правитель, подчиняются единым нормам — возникает сравнительно поздно, но стремительно развивается и захватывает пространства земного шара в силу фундаментального обстоятельства: Эта модель социальности более эффективна, наделена конкурентным потенциалом и способна к эволюции.

Рождение и развитие культуры, ориентированной на нравственно-правовые регулятивы, представляет собой самостоятельный сюжет мировой истории. Иерархии — то есть государству, насилию, эксплуатации — противостояли всегда. Однако существует два качественно различающихся вектора такого противостояния. Есть противостояние, обращенное назад — к разрушению государства, анархии и варварству. И есть противостояние, обращенное к формированию альтернативной системы социального регулирования.

Первый сюжет — «бессмысленный и беспощадный» русский бунт, восстание Спартака, Уота Тайлера или крестьянская война Мюнцера. Эти сюжеты всегда связаны с наиболее архаизованными слоями традиционного общества. Второй вектор вырастает в городах. Социально-культурная база противостояния традиционному государству — становящаяся автономная личность. Вехи этого процесса: городское самоуправление в античном полисе, сословные формы демократии в средневековых обществах, Реформация, буржуазные революции, парламенты Нового времени, формирование гражданского общества.

Идея законности, право как таковое в принципе не согласуется с сакральной властью. Либо культурный космос базируется на абсолютизации Власти и ее воли, либо базируется на абсолютизации некоторых универсальных критериев — правовых и нравственных — и необходимых для реализации этих критериев, социальных механизмах.

Заметим, что за всю историю России не было прецедента гласного, открытого суда над Высшей властью. Заговоры и устранения (убийства) правителей были, а суда не было. Убийство царской семьи по постановлению исполкома «Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» (17.07.1918), к праву и суду отношения не имеет. Не менее поучителен прецедент так называемого «суда над КПСС» в 1992 г. Суда над Коммунистической партией не получилось. Власть решала локальную задачу правовой легализации сложившейся ситуации и передела имущества Партии. Дело не в том, что суд над КПСС мог расколоть общество. Дело в косморазрушающем прецеденте. Свергнуть власть можно, но судить институт Высшей Власти категорически противопоказано.³¹

Либо культурный космос базируется на иерархическом принципе, и тогда формируются деспотические, теократические, олигархические общества. Либо, базируется на абсолютизации некоторых универсальных критериев – правовых и нравственных – и механизмах, необходимых для реализации этих критериев. В этом случае формируется демократическое, правовое общество.

Подчеркнем, что сознание традиционного субъекта, осознающего и переживающего власть как сакральную сущность носит *внеправовой и до-этический характер*. С точки зрения философов *моральное сознание – ядро человеческой личности*. Личность возникает по мере формирования целостного морального сознания. С этого момента иерархия категорически утрачивает статус решающей инстанции, из чего с необходимостью делаются, в том числе, и политические выводы. История показывает, что формирование нравственного сознания идет рука об руку с обоснованием права подданных на борьбу с тиранией и восстание против тирана. Монархомахи требовали ограничения власти короля сословными учреждениями, предоставления народу права смещать и выбирать монархов, призывали к сопротивлению тиранам. Человек может быть, либо рабом иерархии, либо свободной автономной личностью. Такова природа социального бытия.

В традиционных обществах закон в чисто практическом плане не может быть использован как социальный регулятор. Безличность и универсальность закона, гласность судопроизводства делают закон совершенно непригодным в деле социальной регуляции сословного общества. Здесь решают личные связи, ранг и вес участников конфликта, мера скандальности произошедшего и т.д. Такие тонкие различия абсолютно не поддаются формализации и решаются в каждом конкретном случае. Власть сама наказывает своих слуг.

Законы значимы для подданных. Причем, чем ниже статус, тем жестче практика правоприменения. По мере возвышения по социальной лестнице, растет мера иммунитета подданного. На некотором высшем уровне закон вообще исчезает, и все решает воля верховного правителя. Если это будет необходимо, высочайшая кара будет оформлена соответствующим судебным или административным решением.

Что же касается моральной неподсудности, то она непосредственно вытекает из сакральной сущности Власти. Верховного правителя судит Царь Небесный. Власть иноприродна относительно подданных. Тайна власти, ее резоны непостижимы для простых смертных. В допетровской Руси православная традиция закрепляла существование персонажа, которому было позволено прилюдно обличать Царя и слуг государевых. Это был юродивый, который мыслился как божий человек, стоящий

³¹ Вспомним, как российские СМИ и политики откликнулись на казнь Наджибулы в Кабуле. Это была постсоветская эпоха и, казалось бы, что им коммунист Наджибула? Но казнить правителя нельзя в принципе. Плохой прецедент.

над этим миром и транслирующий некоторую высшую истину. Петровская вестернизация убрала названную традицию из российской реальности.

Трансцендентна, иноприродна относительно простых смертных;

Знаково выделена, говорит надъобыденным языком, выступает в роскошных облачениях.

Носитель власти иноприроден, не равен простому смертному. Это убеждение подчеркивается массой ритуалов и практик: надъобыденный язык, ритуализованные формы появления на глазах подданных, особые одеяния, обязательные славословия и аффектация как фон явления Правителей. Все формы и аспекты репрезентации Власти — жилище, автомобили, одежда, движение, речение — носят знаковый характер и выделяются из общей массы. Портреты членов Политбюро, развешиваемые на зданиях по всей стране на Седьмое ноября и Первое мая, являли собой иконы секулярной эпохи. По духу эти портреты отсылали зрителя к древнеегипетским скульптурам, изображающим Ра, Нуна, Птаха, Яха. То были не люди, а некие просветленные иконические образы, отсылающие к миру трансцендентного.

Одеяние сакрального правителя (и это отличает его от правителя демократического) выделяет правителя из общего ряда. Оно может отличаться роскошью, а может быть скромно аскетическим. Но это одеяние особенное. Вменяемый смертный не отважится копировать костюм и атрибуты правителя.

То же относится к зданиям, автомобилям, аксессуарам и другим элементам образа жизни. Исторически правитель выделялся роскошью. Вообще говоря, роскошь: знак статуса. То есть — меры прикосновенности к сакральной власти. Носитель традиционного сознания порицает *приватную роскошь* частного богача, не получившего свои блага из рук Власти. Возмущают покои олигарха на берегу моря. Дворец губернатора или патриарха в реликтовом лесу на берегу — ожидаем и естественен.³²

Во все времена жилище правителя скрыто от глаз, часто находится за стеною или за забором и доступно для созерцания интерьеров немногим. Внешне дворец правителя показательно роскошен. Экипаж, в котором перемещается правитель, велик и роскошен.

Одежда также знаково выделяет властителей. В дореволюционной России роскошь военных и придворных мундиров, блистательные туалеты женщин говорили сами за себя. Инверсии и парадигмальные скачки в отечественной истории вели к смене стилистики вождей и агентов власти. Послереволюционный стиль Вождей апеллировал к героическому периоду Гражданской войны. Отсюда обязательный френч, либо гимнастерка комсостава, офицерская шинель. Конец сталинской эпохи получил знаковое выражение в смене стиля. На место воспоминаний о Гражданской войне пришла мирная светская униформа: габардиновый плащ, фетровая шляпа, черный костюм, белая рубашка и темный галстук. Каких либо вариаций этого «большого стиля» не наблюдалось. В данном отношении все советские правители были на одно лицо.

В допетровской Руси царя и патриарха вели под руки. Двигались они неспешно и степенно, в окружении свиты и охраны по закрепленным в традиции маршрутам. Вот, что пишет о Дмитрие Самозванце академик Платонов: «Он жил не по царскому чину: не почивал после обеда, сам объезжал коней, без свиты гулял по городу и рынку, словом не умел сохранить своего достоинства так, как это было нужно по московским понятиям».³³ Как видим, Самозванец вел себя как живой человек, а не

³² В данном случае любые инвективы либерально ориентированной интеллигенции не могут затронуть «широких народных масс».

³³ С.Ф. Платонов Учебник русской истории. СПб «Наука» 1994. С.150

как ассиро-вавилонский правитель, живущий за каменной стеной, что очевидным образом свидетельствовало о его подложности.

Что касается говорения, то здесь мы можем наблюдать две тенденции. Сколько можно судить, в допетровской Руси царь не обращался к народу напрямую. Он общался с Боярской думой, выступал на Поместных соборах Русской православной церкви, мог принимать депутации. К народу от имени царя обращался думный дьяк с Красного крыльца. Модернизация диктует другую диспозицию. Оставаясь небожителем, Правитель в некоторых ситуациях снисходит до прямого общения с подданными. Эта практика утверждается совсем не сразу. Тронная речь царя на открытии Первой Государственной думы непосредственно обращалась ко всему российскому обществу. Царь и далее общался с депутатами, особенно крестьянами, которые были ему ближе буржуазных интеллигентов.

Ораторская традиция разворачивается и расцветает в нашей стране лишь после Февральской революции. По запискам современников, Петроград 1917 года превратился в пространство нескончаемого митинга. В этом всплеске запрос российского общества на европейские формы общественно-политической жизни. Но далее мы наблюдаем примечательную эволюцию. Вначале блестящие либеральные ораторы проигрывают большевистским демагогам. В борьбе за умы и сердца людей большевик оказывается ближе солдатской и крестьянской массе. Дискурс, предполагающий минимальную погруженность слушателя в культуру большого общества, апеллирующий к праву, здравому смыслу и другим ценностям европейской цивилизации, проигрывает призывам и лозунгам эсхатологического плана.

А далее та же история повторилась уже в советском обрамлении. Традиция митингов постепенно иссыкает и рутинизируется. Митинги были необходимы большевикам на этапе завоевания масс. Когда же политическая власть твердо удерживается, заискивать перед народом не пристало. Быдло поставили в стойло.

Блистательные демагоги – такие как говоривший по три часа Троцкий или Карл Радек – проигрывают косноязычному Сталину. И это не случайное совпадение. Троцкий и Радек реализуют европейскую традицию завоевания сердец и умов широких масс на путях ораторского искусства. Сталин же угадывает *запрос наиболее традиционализованной массы на азиатского властителя*: молчаливого, говорящего в чрезвычайных обстоятельствах и изрекавшего лозунги.³⁴

Отметим, что, воплощенные в германском нацизме и итальянском фашизме, вершины европейского тоталитаризма XX века дали миру двух великих демагогов – Гитлера и Муссолини. Здесь общецивилизационный контекст оказался сильнее. Россия же выбрала довербальный код коммуникации Вождя и народа.

Со смертью Сталина складывается непобедимо тоскливый ритуал властного речения. Речения по бумажке, специфическим казенным языком, из которого изгнаны живые эмоции и человеческое содержание. По смерти Сталина отрабатывается идея «коллективного руководства», которая ничего не говорила уму и сердцу традиционного человека, настоятельно требующего персонификации Власти.

Горбачев приносит обновление, милое сердцу вестернизированного интеллигента. Но скоро любивший выступать Горбачев начинает вызывать раздражение. Много говорящий правитель, формирующий эмоциональный контакт со слушателем

³⁴ Подробнее эта тема рассматривается в работе: И.Г.Яковенко Политическая субъектность масс: культурологический аспект политической жизни в России. М. 2009.

лем чужд нашему народу. Богам не пристало разглагольствовать. Косноязыкие Ельцин и Черномырдин в этом отношении неизмеримо ближе массовому россиянину. Над ними посмеивались, но чувствовали — «нашенские». Сакральная Власть лежит вне рационального дискурса. Она довербальна. Ей свойственно магически-инсайтно постигать суть вопроса и принимать решения также неисследимо и непостижимо для холодного рационального наблюдателя.

Интересно сопоставление российской и евроатлантической традиции репрезентации власти и коммуникации власти и народа. В эпоху глобализации этот материал доступен каждому. Так, американский президент отрабатывает образ «наш парень». Одежда, походка, общение со случайными людьми — рукопожатия, шутки, короткий разговор — все это подчинено идее принципиального равенства, открытости, обращенности президента к каждому американцу. Перед нами демонстрируется декларативно антисакральный образ властителя.

Это касается не только американского президента. Тут мы сталкиваемся со сквозной характеристикой американского общества. В повествовании Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка» приводится примечательный эпизод: во время встречи и разговора с писателями-путешественниками, который происходил в офисе компании, Генри Форд выглядел человеком, которому что-то мешало. Наконец он встал, подошел к столу одного из инженеров и сказал ему: «Извините, я забыл с вами поздороваться». Ильф и Петров замечают, что Форд никогда не пригласит этого инженера к себе домой на обед. Но здесь, в компании они равны и занимаются общим делом — делают автомобили.

Постсоветская эпоха принесла новые формы общения Власти с подданными. Мы имеем в виду транслируемые по телевидению встречи президента с народом. В целом это новая, беспрецедентная для России практика. В некоторые моменты диалог приобретает характер напряженного шоу. Часто же он ожидаем. Для традиционных зрителей этого представления ключевыми становятся истории обращений к президенту старушки из провинциального поселка с просьбой пособить в решении конкретной проблемы: ремонта дороги, водопровода, электричества и т.д. Ожидаемое решение принимается сходу. Через несколько дней СМИ сообщают: проблемы старушки разрешены. Сакральная власть — прямая и действенная. Она пространственно отделена от народа. Но если случается чудо и Власть оказывается один на один с конкретной проблемой маленького человека, она решает ее сразу, «по нашенски», без лишних слов.

Характеристики *Податель всех благ и их генеральный распределитель*; а также — *Сила, стремящаяся охватить все стороны бытия общества и человека, раскрывают и конкретизируют существо категории «Власть-моносубъект»: То есть гарант стягивания всей субъектности в собственных пределах и объектности подданных;*

Понятие «власть-моносубъект» введено в научный оборот в работах А. Фурсова и Ю. Пивоварова.³⁵ Смысл этого понятия достаточно очевиден. Авторы полагают, что власть в России тяготеет к стягиванию на себя всей значимой субъектности. На некоторых этапах отечественной истории этот принцип удается реализовать полностью, на других власть утрачивает зоны и пласты активности, которая переходит к индивидуальным и коллективным субъектам.

Пространство, на котором разворачиваются бои за субъектность подданных, бесконечно многообразно: Введение цензуры и свобода слова. Рыночная и плановая государственная экономика. Прикрепление человека к земле и отмена «крепости»

³⁵ А. Фурсов Ю. Пивоваров. Русская система. «Рубежи» 1996.

(1861) или всеобщая паспортизация (1974). «Граница на замке» или свобода выезда за рубеж. Конфессиональная принадлежность по факту рождения или свобода совести, то есть, свобода вероисповедания (1905). Массовое распространение интернета, создающее сферу коммуникации граждан неподконтрольную власти и т.д., и т.д.

Идеал моносубъекта по существу иррационален. Чем выше мера субъектности власти, тем более громоздок аппарат управления и выше уровень хаотизации. Периодически российская власть делегирует, какие-то функции своим подданным (помещикам власть над крепостными), или социальным институтам (земское самоуправление). Но, как правило, счастье длится недолго. Следующий правитель забирает эти функции или выхолащивает институты. Здесь можно вспомнить введение земских начальников и правительственную политику борьбы с земствами в эпоху Александра III. Не менее примечательна эволюция местного самоуправления в постсоветскую эпоху. Российская власть мирится с демократическими институтами и даже взаимодействует с ними, когда она слаба. Стоит ей окрепнуть, и демократические органы распускаются либо выхолащиваются, а меры контроля усиливаются.³⁶ Это происходит не только на уровне высшей власти, но и на всех уровнях управления. Достаточно посмотреть на борьбу губернаторов с мэрами губернских центров и эпидемиию перехода от избираемых мэров городов к назначаемым сити-менеджерам.

Можно вспомнить о так называемой «косыгинской» экономической реформе 1965 года, которая расширяла меру самостоятельности директоров советских предприятий и, соответственно, ограничивала власть чиновничества. Реформа была свернута и сведена на нет, в начале 70-х годов совместными усилиями партийного и отраслевого руководства. За противодействием реформе стояли не только консервативные инстинкты и противостояние утрате части контроля над действиями управленцев среднего звена. Делегирование ресурсов и функций вниз противостоит природе русской системы. В идеале подданный делает только то, что велено и все, что ему необходимо, получает из рук Власти.

Сакральная власть – базовое условие формирования и сохранения объектной природы российского подданного.

Власть-моносубъект с необходимостью задает объектный статус подданного. Эта установка многократно продублирована в культуре, заложена в сознании чиновничества и реализуется в политике государства.

Рассмотрим любопытные аспекты феномена старообрядчества. Казалось бы, старообрядчество, чуравшееся Запада и европейской культуры, должно было стать заказником архаики. Старообрядчество многослойно и многолико. Беспоповцы и скрытники не равны легализованным и вписанным в современный им мир прихожанам старообрядческой митрополии. Но в целом, эволюция старообрядчества в высшей степени поучительна. Как получилось, что старообрядчество стало в России функциональным аналогом протестантизма?

Если царь – еретик, то *власть не сакральна*. Эта мысль стала открытием, которое несло в себе фундаментальную культурно-психологическую революцию, разрушающую базовые основания российского космоса. Приверженцу старой веры остается *самостояние*, опора на собственные экзистенциальные ресурсы. Есть Бог, и есть личность старовера. Только в себе самом, в опоре на Создателя он найдет ресурсы для понимания мира, различения истины и лжи, для выбора пути, ведущего к спасению и жизни вечной. Разумеется, он найдет близких ему людей, найдет авторите-

³⁶ Михаил Федорович правит страной совместно с Земским собором до 1622 года. Следующий за ним Алексей Михайлович Соборным Уложением 1649 года вводит бессрочный сыск беглых крестьян, то есть – завершает процесс закрепощения крестьянства, начавшийся при Борисе Годунове в 1597 году, установившим пятилетний сыск беглых крестьян.

ты, учителей, соратников. Но это будет *ego* выбор, не удостоверенный безусловной сакральной иерархией, а значит, *ego* ответственность. Поскольку выбор его родных и близких не есть безусловный. Они — люди, простые смертные. А значит, могут заблуждаться. Не лжет и не заблуждается только сакральная власть.

Отсюда качественный скачок: резкий рост субъектности, личностной активности, духовной автономии, практика дискуссии, полемика как способ движения к истине. Из всего этого с необходимостью вытекал хозяйственный рост и паразитические феномены старообрядческого предпринимательства.³⁷ Разумеется, описанный процесс потребовал времени и растянулся на жизнь нескольких поколений. Между протопопом Аввакумом и заводчиком Морозовым пролегал путь, но путь этот был предначертан логикой десакрализации высшей власти.

Основание патерналистского космоса.

Патернализм

Рассмотрим цитату: «Когда в России появились автомобили, император в течение многих лет не получал денег для устройства гаража. В том числе и потому, что при переходе на автомобильный способ передвижения потребовалось бы оставить без работы значительное количество конюхов, тренеров, кучеров и многих других людей из обслуги».³⁸ Этот эпизод отечественной истории подводит нас к проблеме патернализма.

Словари определяют патернализм, как систему отношений, при которой власти обеспечивают потребности граждан, которые в обмен на это позволяют диктовать им модели поведения, как публичного, так и частного.

Из разделения общества на два базовых сословия: людей власти как носителей субъектности и бес/частично субъектных подданных, логически вытекает патернализм иерархии в традиционном обществе. Деление общества на субъектную власть и бессубъектных подданных и патернализм как базовая конвенция и норма социальных отношений — взаимообусловленные аспекты единого целого.

Суть никем не формулируемого, но исключительно важного общественного договора состоит в том, что *принятие власти и безусловное послушание дают право быть объектом отеческой заботы.*

Итак, патернализм имеет два измерения:

Носитель иерархического статуса принимает значимые решения по самому широкому кругу вопросов от выбора жениха или невесты (в традиционной семье), до проблем войны и мира (на уровне высшей власти).

Вторая функция Власти может быть выражена как «отеческая забота»: накормить, дать людям работу, разрешить срочные проблемы, учить уму-разуму и т.д.

Эти нормы формируют ожидания людей и задают поведение подданных. Когда жители деревни, у которой весенний паводок снес мост через ручей, выходящий на большую дорогу, вместо того, чтобы всем миром поправить размытый мост, ходят лишние три километра, и месяцами пишут челобитные «начальству» во все инстанции от района до Москвы. Когда живущая в глубинке старушка жалуется президенту на поломку водопровода в своем домике — все это производно от патерналистского переживания власти. Безоговорочное заклинание «Политику Партии и Правительства поддерживаем и одобряем» воедино сплавлено с расчетом на отеческую заботу.

³⁷ Подробнее см: И.Г. Яковенко Россия и модернизация: социально-культурное измерение. М. 2014

³⁸ Оксана Захарова. Государственный церемониал как программа власти. М. 2014. С.69–70.

Патернализм имеет массу частных проявлений. Сегодня это и блокирование процесса разорения и закрытия предприятий. Создание новых рабочих мест, санация и переселение людей в случае необходимости – нормальная государственная практика зрелого общества с рыночной экономикой. В России такие решения блокируются и отторгаются традиционным сознанием не только потому, что непривычны, ибо советская мифология предполагала, что заводы будут однажды открываться и работать вечно. Закрытое предприятие воспринимается как попрание законов природы и космическая несправедливость. В XX веке, по мере перемещения людей в города, право на рабочее место стало функциональным заменителем крестьянского права на землю. В советскую эпоху оно было неприкосновенным.

Далее, неумолимая логика перехода к рынку задает тренд сворачивания всей сферы бесплатного обслуживания со стороны государства: медицина, образование, ремонт жилья, детские сады и ясли, обеспечение работой и т.д. Все эти функции государства отсыхают, становятся частично платными, либо полностью оплачиваются из кармана потребителя. Здесь же лежит переход от символической платы за газ, электричество, городской транспорт к коммерческим ценам. Тоже можно сказать об изменении налоговой политики. В СССР налоги с трудящихся были щадяще-символическими. Государство платило работникам ровно столько, сколько находило нужным и не видело смысла отчуждать часть этих денег через налоги. Все, что ему было необходимо, оно получало, недоплачивая работникам. Переход к экономически обусловленным ценам и налогам воспринимается крайне болезненно, особенно людьми старших поколений. Они справедливо усматривают в этом тренде отказ от отеческой заботы со стороны правителей. Между тем, *массовый запрос на патернализм власти – один из важнейших факторов воспроизводства традиционного общества*, задающий стратегический тренд социально-политической эволюции России в XIX–XXI веках.

Трактовка образа Правителя как отца – константа российского идеологического ландшафта. В дореволюционной России этим занимались церковь и школа. В СССР – все идеологические институты. Вообще говоря, перед нами универсалия трактовки сакральной власти в тоталитарных азиатских обществах. Вот цитата: «Товарищ Ким Чен Ын руководитель Трудовой Партии Кореи, которую в КНДР по праву называют *Партией-Матерью*, на днях распорядился, проявив *отеческую заботу*, снабдить все больницы страны в еще большем достатке необходимыми продуктами...»³⁹ В СССР метафора «отец народов» уходит со смертью Сталина, а «отеческая забота» (Партии и Правительства о тех или иных категориях граждан) звучала до Перестройки. Этот образ и сейчас встречается в публицистических текстах.

Надо признать, в России сложился устойчивый консенсус по поводу «отеческой заботы» власти. Ее декларирует власть, на нее рассчитывают подвластные. Носитель традиционного сознания пребывает в непоколебимом убеждении: подданные – малые дети. Они не способны позаботиться о себе по фундаментальным основаниям. Всю эту сферу берет на себя власть. Что есть, что думать, где работать, что читать и слушать, где и чему учиться; список бесконечен.

Подчеркнем, убеждение в недееспособности «населения» не есть убеждение бюрократии и элиты, но всеобщая конвенция, разделяемая носителями традиционного сознания. В книге публициста Александра Никонова «Здравствуй, оружие»⁴⁰, автор многократно приводит основной аргумент противников свободной продажи

³⁹ <http://yablor.ru/blogs/otcheskaya-zabota-polkovodca-o-pacientah-bolnic/2471132>

⁴⁰ Александр Никонов. Здравствуй, оружие! Презумпция здравого смысла М. 2010

оружия российским гражданам, который сводится к тому, что «наши люди» к этому категорически не готовы. Они же спились и, по-пьяни, быстро перестреляют друг друга.

Русская литература и публицистика, материалы этнографических исследований содержат множество высказываний и авторских утверждений о том, что «наш» человек требует постоянного пригляда и должен содержаться в строгости, поскольку блюсти себя самостоятельно не может.⁴¹ Итак, базовые характеристики народа требуют патернализма власти. А сам народ рассчитывает на него.

Когда в традиционной семье родители диктовали своим детям, с кем вступать в брак, а взрослые дети принимали выбор родителей: перед нами консенсус по поводу прав носителей иерархического начала.

Чаще всего эта коллизия разворачивалась с девушками. Родители заставляли ее выходить замуж за нелюбимого человека. Отсюда поговорка «Стерпится — слюбится». Решающий аргумент отца/матери звучал так: «Не будет тебе моего родительского благословения». Последний контраргумент строптивой дочери состоял в угрозе уйти в монастырь. По законам родители не могли препятствовать уходу в монастырь своих детей. Можно было сбежать из семьи и обвенчаться тайно, но это означало скандальное попрание норм традиционного общества.

Всевластие отца в традиционной семье, всевластие местного начальника, породившее поговорку «И царь, и Бог, и воинский начальник», всевластие Правителя на самом верху являют собой пирамиду, эксплицирующую универсальную модель социальности традиционного российского общества. Патернализм повсеместен и ограничен для носителя традиционного сознания, который лишен не только потребности к свободе от «пригляда», но нравственных и интеллектуальных ресурсов, необходимых для жизни свободного человека. На наш взгляд здесь одно из самых больших препятствий на пути модернизационного преобразования России.

Не объемлема человеческим рассудком. Табуирована к рациональному познанию;

Здесь надо вспомнить об антирациональном пафосе русской культуры. Суть этой установки состоит в том, что все ценностно выделенное, значимое, сакральное переживается как недоступное рассудку, непостижимое рациональным сознанием. К этим сущностям можно прикоснуться сердцем, приблизиться в акте магического постижения. Что же касается всяческой рационализации, то она бессмысленна, ибо в рамках рационального дискурса сакральное непостижимо. Примеров этому множество: Бесчисленно повторенное в стихах и прозе утверждение «любовь это тайна».⁴² Реже звучащее в последнее время, но популярное в XIX — первой половине XX веках словосочетание «тайна народной души», к которой благоговейно прикасался чистый сердцем русский интеллигент. Это и вдрызг застиранные от бесчисленного цитирования строчки Тютчева «Умом Россию не понять, Аршином общим не измерить».

Заметим, что в простонародной среде проблема понимания вообще не ставится. Обыденному сознанию чужд этот уровень рефлексии. В данном случае мы

⁴¹ Подробнее эта тема рассматривается в монографии автора: И.Г.Яковенко. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М. 2011.

⁴² К примеру, типичное суждение из этого ряда: «Любовь это величайшая тайна из всех, которые существуют. Любовь можно пережить, но нельзя узнать, любовь можно испытать, испробовать, но понять — невозможно». shoyogazen.ru/osho-lyubov...to-velichajshaya-tajna/

имеем дело с проблемой идеологов и признаком интеллигентского сознания.⁴³

Дело в следующем: Понимание чего бы то ни было есть овладение объектом понимания. Овладение хотя бы в некотором отношении. В результате понимая определенную сущность можно прогнозировать ее поведение, осознать пространство детерминатив задающих это поведение, постигать логику эволюции, сферу интересов, двинуться по пути понимания стратегий, которые она использует во взаимоотношениях с тобою и т.д. Движение по данному пути лишает человека, ставшего на путь постижения сакральной сущности, статуса чистого объекта, вооружает его знанием, способностью формировать собственную стратегию.

Самоорганизация традиционной ментальности блокирует описанные тенденции. Традиционное сознание, конституированное идеей «сакральное есть тайна». Поэтому все, что связано с сакральным, непостижимо и неожиданно-негаданно. В соприкосновении с сакральным угадывается поступь Судьбы.

Как и полагается божественной инстанции, Власть выступает в модальности спонтанно-креативной сущности. Повеления Власти падают как снег на голову подданным. Мотивов и интересов в приземленно-рациональном смысле здесь нет и быть не может. Варианты отношения подданного – оттенки радостного принятия: «Политику Партии и Правительства поддерживаем и одобряем».

Власть надлежит принимать сердцем, верить, любить и бояться, надеяться на нее («Надёжа-Государь»), честно служить ей («За государем служба не пропадет»), поминать в религиозных и светских ритуалах. Все эти переживания и действия разворачиваются в диспозиции снизу-вверх. Что же касается интеллектуального постижения, то это процедура *уравнивающая* субъект и объект анализа. Претензия на рациональное постижение сакральной сущности есть проявление греховного устремления возвыситься и уравнивать себя с Властью, то есть гордыни. Отсюда до падшего ангела рукой подать.

Мистический центр мироздания;

Фраза «Как известно, вся земля начинается с Кремля» знакома каждому человеку старшего поколения. Эта строчка из стихотворения Маяковского утратила авторство, стала подлинно народной и при случае используется как эталон красного патриотизма.⁴⁴

Мистический центр мироздания есть Пуп земли. Исходное мироощущение покоится на том, что космос очерчен границами «нашего» государства. За «лимесом» располагается хлябь внешняя. Там нет нашей веры/идеологии (либо она поругаема и угнетаема), нет «нашего» царя, и соответственно нет порядка. Поскольку «наш» порядок и есть порядок в собственном смысле. «Там» – хаос, нищета, царство несправедливости, безработные, роющиеся в мусорных баках, и горстка буржуинов, купающихся в пошлой роскоши.

Автор не переживает. До конца 50-х годов советский Агитпроп рисовал именно такую картину мира, которая дублировалась в разных жанрах и обрушивалась на головы советского человека. В качестве примера можно привести мэтра соцреализма Ф.П. Решетникова, создававшего идеологические полотна («Великая клятва») и сусальные картинки советского быта («Прибыл на каникулы», «Достали языка», «Опять двойка»). Образ Запада концентрировано

⁴³ В молодости меня забавлял интеллигентский штамп, звучавший в 60-70-е годы прошлого века, - «женщина это тайна». Содержательная полемика по данному вопросу была невозможна. Рассматриваемое утверждение свидетельствовало об определенной типологии сознания и относилось к классу установочных позиций.

⁴⁴ «Начинается Земля/как известно, от Кремля/За морем, за сушею -/коммунистов слушают». В.В.Маяковский Прочти и катая в Париж и Китай. 1927.

явлен в картине «За мир!». Это надо видеть. Бедно одетые на редкость симпатичные ребята, трогательно поданные на фоне старой ободранной стены оглядываясь пишут страшное криминальное слово Paix ! Для того, чтобы оценить картину надо помнить о том, что мантры «Мир во всем мире», «мы за мир» звучали из радиоприемника, плакаты утверждающие и восславляющие мир несли трудящиеся на советских праздниках, пропагандисты клеймили милитаристов, комментаторы осуждали, «бряцание оружием» и «реваншистов». Советский зритель видел картину буквально перевернутого мира. От Решетникова не отставал журнал «Крокодил». Заметим, что данные научных исследований, не совпадавшие с идеологической картиной мира, объявлялись «вредительскими», а их авторы репрессировались. Так данные Всесоюзной переписи населения в январе 1937 года были засекречены, а ученые репрессированы. Образ центра мироздания и обители космоса, противопоставленного хаосу, крайне важен для традиционного идеологического сознания.

В отличии от поздней Западной римской империи, где главенствовал принцип, вытекающий из античной поговорки «Рим там, где находится император», в России сакральная власть позиционирована географически. Она находится в столице и контролирует центр Московии. Это, кстати, хорошо понимал Сталин. Москву защищали всеми силами. Потеря столицы открывает прямую перспективу потери власти.

Описанный идейный комплекс подвигает сакральную власть к действиям. В некоторые эпохи империя обходится сознанием того, что она уже является Пупом земли — что обеспечено процессом *translatio imperia*. Но когда появляются минимальные ресурсы, российская элита начинает думать об овладении исходным и подлинным Пупом земли — Константинополем. И это — сверхценная идея, не имеющая ничего общего с *Realpolitik*. Овладение Константинополем будет означать завершение эры и начало новой эры. Православный царь вернется в свое естественное лоно. Уже Алексей Михайлович декларировал такую цель и каялся, что не делает этого.

«Тем не менее, царь Алексей был всерьез воодушевлен идеей освобождения православных. Отсюда его прочувствованные сентенции о судьбах угнетаемых греков и торжественные обещания освободить их. Эти обещания прозвучали на заре царствования, но не были забыты и на его закате. В июне 1672 года, во время крестин царевича Петра, Симеон Полоцкий, не без стремления польстить отцу новорожденного, предрекал младенцу великое будущее — освобождение Константинополя от турецкого владычества». ⁴⁵

По мере секуляризации и продвижения рационального сознания комплекс пупа земли трансформируется в *борьбу за господство в Европе*. Наши современники слабо сознают место и роль славянофильских и панславистских построений в идейном климате второй половины XIX — начале XX веков. Вступление России в Первую мировую войну и последовавшая за этим катастрофа связаны со сверхценной идеей: «Креста на Святую Софию», в которой эсхатологические идеи переплетались с планами империи о трех столицах, охватывающей все славянские народы.

Советская версия России с Москвой, как столицей будущей «Земшарной Республики Советов», строго воспроизводила идею мистического центра мироздания. К концу 70-х очевидный крах упований на мировую революцию породил осознание непоправимой провинциальности и второсортности Советской империи. И это было предвестником конца.

⁴⁵ И.Л.Андреев. Алексей Михайлович: Штрихи к портрету. «Исторический вестник». 2013/3. runivers.ru/Проекты/Журнал Исторический вестник/article/?ID...

Сегодня переживание мистического центра мироздания очевидным образом утрачено и это — депрессивный фактор, угнетающий носителей традиционного сознания, масштаб воздействия которого до конца не осознается. Олимпиады, международные форумы, собрание «русского мира» и другие внешнеполитические начинания российской власти, в том числе, заданы стремлением создания иллюзии возвращения Пупа земли.

Хроноцентризм власти.

Хроноцентризм — сравнительно частная характеристика сакральной власти, логически вытекающая из статуса мистического центра мироздания. Вообще говоря, человеку, окончательно выпавшему из архаического переживания вечной цикличности бытия и осознавшему феномен истории, свойственно переживать «свою» эпоху как особенно значимую, переломную, определяющую и т.д. Иными словами, свойственна иллюзия хроноцентризма.

Сакральная власть подвержена этой аберрации сугубо, ибо она *расположена в центре пространственно-временного континуума*. С пространством все достаточно очевидно. Но, то же самое, происходит и со временем. Ее рождение это рождение истории в собственном смысле, а ее актуальный вождь и актуальный период — особенный и чрезвычайный.⁴⁶

Это мировидение наиболее целостно выразил Александр Христофорович Бенкендорф, шеф жандармов и одновременно Главный начальник III отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии: «Прошлое России удивительно, настоящее прекрасно, будущее же выше всяких представлений».

Хроноцентризм идеологической картины мира советской эпохи находил выражение в самых разных формах.

В этой связи вспоминается забавная особенность практики советских СМИ: В стране периодически проходили Пленумы ЦК КПСС, на которых принимались соответствующие постановления. Пресса была призвана разъяснять и популяризовать решения Пленумов, способствуя их скорейшей реализации. В целом это было обычное пустословие. Примечательным же было то, что буквально на следующий день после завершения очередного Пленума, в прессе ему присваивали статус «исторического». «Исторические решения январского (февральского, мартовского, апрельского и т.д.) Пленума намечают конкретные меры по интенсификации...». Вменяемый слушатель фиксировал очередной пример пропагандистского идиотизма, поскольку статус исторического, какому бы то ни было событию, присваивает история и за редчайшими исключениями (полет Гагарина в космос) для этого требуется ретроспектива.

В советское время хроноцентризм переживался более ярко и отчетливо. Сегодня за отсутствием успехов и очевидной второсортностью хроноцентристское переживание невозможно. Оттого *настоящая эпоха* для традиционного человека *переживается как безвремя*.

Сверхрациональна.

Предначтения сакральной власти не постижимы элементарным рассудком и превыше логики. Их подлинность, истинность и благодать имеет не рационально-дискуссионные, но онтологические основания.

⁴⁶ Этот тезис иллюстрировали советские учебники и пособия по отечественной истории. Тысячелетия истории от государства Урарту «до второго съезда РСДРП» излагались на паре сотен страниц. Вся последующая история, хронологически растянувшаяся на шесть-семь десятилетий, требовала трехсот страниц. Причем, по мере приближения к актуальному правителю авторы становились все более многословными.

Достаточно часто традиционно ориентированный человек, получивший европейское образование и осознающий себя принадлежащим к рациональной культуре, также разделяет установку на сверхрациональность предначертаний власти. Способность не видеть кричащие противоречия в дискурсе власти, агрессия по отношению ко всем указывающим на нравственную, логическую, научную несостоятельность властных идеологических построений — любопытный феномен псевдорационального сознания, сшивающего воедино научную картину мира и максимуму «власть есть сакральная истина».

Исследуя этот феномен Е.Ихлов пишет: «Мы живём в стране, где три четверти века поколения идеологов и просто грамотных людей притворялись, что ленинизм не полная противоположность учению Маркса, а сталинизм не полная противоположность наследию Ленина. Поскольку высшим торжеством спонтанного развития экономики почитали захват власти и всей собственности страны в ходе гражданской войны, а воссоздание деспотической империи полагали истинной целью самой радикальной в истории революции.

Поэтому утверждения, логически полностью противоположные друг другу, с точки зрения семантики — «наиболее лучший» язык для общения со средневековым населением, и с, в глубине души мечтающей о средневековье, элитой».⁴⁷

Поскольку в рационально-дискуссионном плане тезис «Власть есть сакральная истина» незащитим, в ход идет агрессия и тезис о сверхрациональном характере Власти и непостижимости ее резонов простыми смертными. В доброе сталинское время говорили «Так надо» и этих слов категорически хватало. Традиционно ориентированный обыватель по сию пору убежден в том, что судить Власть, пытаться постигать ее слова, резоны, поступки не надо и, главное, опасно. «Не нашего ума дело».

Сакральная власть всеильна, всемогуща и вездесуща;

О всемогуществе сакральной власти можно говорить бесконечно. Власть в буквальном смысле управляет природой, диктуя ей как законы (природы), так и задавая конкретные феномены.

Всеильна, не только в смысле самой мощной силы в человечестве, которой не могут противостоять другие государства. Это само собой. Планам и предначертаниям власти не могут противостоять ни природа человека, ни природа социальных отношений, ни экология, ни физика.

В традиционном сознании отсутствует идея, согласно которой существуют какие-либо объективные законы природы, которые могут ограничить повеления власти. Власть не детерминирована законами природы. Она природе — повелевает. Лозунг «Идет вода Кубань реки, куда велят большевики» высился на плотине в верхнем течении реки Кубань.⁴⁸ Присказка «Реки потекут вспять» звучала еще на памяти автора, в конце пятидесятих годов. Крестьяне XIX — начала XX веков жили в убеждении, что «казна государева бездонна».⁴⁹ Традиционный обыватель по сей день не слишком верит в какие-либо ограничения возможностей государства.

Примеры: настойчиво, но безуспешно реализуемая Николаем I программа превращения евреев в пашенных крестьян,⁵⁰ построение коммунизма, поворот сибирских рек. Богоборческие планы, предполагающие преодоление законов природы, в

⁴⁷ Е.Ихлов. О глубокой неправоте автора и других либералов. ikhlov-e-v.livejournal.com/6321.html

⁴⁸ kubanphoto.ru/photo/221304/ На реке Кубань на плотине возле Усть-Джегуты.

⁴⁹ А.О.Сухова Десять мифов крестьянского сознания.

⁵⁰ Об этой программе пишет, например, Солженицын в работе «200 лет вместе».

некотором смысле необходимы. Они удостоверяют богоравный характер Власти, которой подчиняется и переподчиняется природа.

Одно наблюдение из личного опыта. В советское время, средний интеллигент не мог понять: как какое-либо решение партии и правительства может быть не выполнено. (В данном случае речь идет о повороте сибирских рек. То есть — переброске части стока сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан. Решение было принято в 1975 на XXV съезде КПСС.) Невозможность выполнения какого-либо постановления Съезда КПСС в силу объективных детерминатив не умещалась в сознании массового советского человека.

Далее, существование чего-либо, как на просторах отечества, так и во Вселенной удостоверяется Властью. Сегодня миллионы носителей традиционного сознания старших возрастных групп живут в святой уверенности, что телевизор (вещающий от имени Власти) не может врать. Существует только то, и в тех формах, о которых сообщалось от имени Власти. Соответственно то, о чем сообщений не было, не существует. Миллионы советских стариков живут в убеждении, что в СССР не было проституции, наркомании, организованной преступности, проблем межнациональных отношений. Ведь об этом не писали в газетах и не говорили по телевизору.

То, что отменено от имени власти, исчезает в момент обнародования этой отмены. В своей знаменитой книге «Россия в 1839 году», путешествовавший по нашей стране маркиз де Кюстин, писал: «В России в день падения какого-либо министра его друзья должны стать немыми и слепыми. Человек считается погребенным тотчас же, как только он кажется попавшим в немилость. Я говорю «кажется», потому что никто не решается говорить о том, кто уже подвергся этой печальной участи. Поэтому Россия не знает, существует ли сегодня министр, который еще вчера управлял всей страной».⁵¹

С впечатлением маркиза де Кюстина можно сопоставить один эпизод из реалий прошлого века, который сегодня выглядит анекдотически. В конце 70-х годов один из членов триумvirата, пришедшего на смену Хрущеву, Председатель Президиума ВС СССР Н.В.Подгорный, был отправлен в отставку. Вскоре после этого кресло, занимаемое Подгорным на парадном полотне, изображавшем президиум съезда КПСС (которое экспонировалось в Третьяковке) опустело. История переписывалась, в самом буквальном смысле.

В эпоху Перестройки в прессе промелькнул рассказ о том, как в 1938 году на заседании Ученого совета Института Красной профессуры был отменен закон стоймости для социализма. Общество, в котором законы природы, хотя бы и социальной, можно отменять решением директивной научной инстанции — счастливое общество.

Сакральная власть непобедима.

К всемогуществу примыкает непобедимость социального абсолюта ведомого сакральной властью. Образ сакральной власти исключает какие-либо поражения. Максимум на что соглашается традиционная идеология это — временные неудачи, частные промахи, второстепенные эпизоды, за которые ответственны враги внутренние и внешние. При этом, временные неудачи существуют только в контексте «нашей» окончательной победы. Поэтому российское традиционное сознание отказывается признавать проигранные войны. Они вычеркиваются из истории и изымаются из исторической памяти.

⁵¹ Кюстин А. Россия в 1839 году. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. С. 74.

Московия/Россия/СССР проиграли: Ливонскую войну, Крымскую кампанию, Русско-японскую, Первую мировую войну, Холодную войну и, наконец, Афганскую, которая была значимым эпизодом Холодной войны. В результате проигранных войн Империя распалась, переживала глубокие реформы, утрачивала территории. Но сам факт проигранной войны табуировался к произнесению и не закреплялся в исторической памяти. Например, с поражения в Ливонской и Первой мировой акценты переносились на последующие события — победа над «ляхами» и воссоздание державы, или большевистская революция и «победное шествие советской власти».

Поражения отменяются. Были, есть и будут победы. Сакральная власть — Победитель. Победа над противником — атрибут, а переживание победы — императивная потребность традиционного сознания. Власть подтверждает свое величие и удостоверяет свою подлинность в Победах.

В здании римского Сената находился языческий алтарь победы, представлявший собой золотую статую богини Виктории. Статуя представляла собой крылатую женщину, держащую в руке лавровый венок победителя. Эта статуя была захвачена римлянами у Пирра в 272 г. до н.э. В четвертом веке с утверждением христианства как государственной религии алтарь победы удаляется из здания Сената. При том, что российская империя большую часть своей истории позиционирует себя как оплот христианства, культ Виктории пронизывает собой все символические пространства, связанные с образами Власти и государством.

По всему этому, история России — история побед. Массовые опросы свидетельствуют: россияне знают Суворова, Кутузова, Сталина, Жукова. «Святой доктор» Петр Федорович Гааз или великий русский просветитель Николай Иванович Новиков неведомы массовому россиянину. Присущая ему парадигма истории отечества разворачивается в другом ценностном и событийном пространстве.

Что же касается поражений, то их действительно не знают. Они, чудесным образом, выпадают из памяти традиционно ориентированного человека. Имена Суворова, Жукова, адмирала Нахимова известны каждому. А кто вспомнит гетмана Ивана Выговского, командовавшего войсками крымско-польской коалиции, в битве под Котопом 1659 года, в ходе которой была разгромлена московская армия (современные события русские летописцы называли 100 тысяч погибших; сегодня историки оценивают потери в 40 тыс. человек). Или адмирала Того, разгромившего 27 мая 1905 года в Цусимском сражении 2-ю и 3-ю Тихоокеанские эскадры. (5045 человек убито и 6016 взято в плен, уничтожено 28 кораблей, в том числе 7 броненосцев. Русская эскадра после Цусимы фактически прекратила своё существование. Описанное событие вполне сопоставимо с разгромом османского флота в битве при Лепанто.)

Кто, кроме сугубых специалистов, назовет имена командира 3-й танковой группы генерал-полковника Германа Гота; командира 4-ой танковой группы генерал-полковника Эриха Гёпнера; блистательного стратега генерала-полковника Гейнца Гудериана? Названные военачальники командовали немецкими войсками, и обеспечили Вяземский котел или Вяземскую катастрофу (2–12 октября 1941 г., 663 тыс. плененных, трофеи — 1242 танка, 5412 орудий)⁵². Это знание разрушает парадигму сакральной власти. Потому оно выдавливается на периферию информационного пространства, существует в специальных изданиях, имеет статус разрозненных артефактов, которые не систематизируются и не осмысливаются.

⁵² К.Типпельсирх История второй мировой войны. М. 1956. С. 200.

Здесь мы подходим к интереснейшему феномену – циклическому обличению ошибок и поражений, совершенных предшествующей версией сакральной власти, которое носит *кратковременный* характер и, по завершении эпохи перехода, сменяется запретом на развернутое обсуждение названных тем.

С 1900 года по настоящее время в России сменилось три политических системы. На смену самодержавию, или идеологически санкционированной деспотии, пришла большевистская идеократия, которую сменила, скажем так, парламентская демократия. На переломах происходили революции, на общество обрушивались социальные катастрофы. Менялось, казалось бы, все. Однако некоторая устойчивая закономерность процесса обновления, а затем стабилизации обновленного общества обнаруживается.

Первый цикл обозначенной нами кампании разворачивается, начиная с эпохи Гражданской войны. Уже в ходе Гражданской, идет война агитационных плакатов (наглядная агитация «белых» противостоит наглядной агитации «красных»). Большевистская наглядная агитация кощит ужасы царизма, пугая обывателя перспективой победы белогвардейцев и восстановления старых порядков. В этой кампании участвовали приличные художники – В.М. Дени, Д.С. Моор, М.М. Черемных. Здесь же надо упомянуть «Окна Роста» и Вл. Маяковского. С победой большевиков задача военно-политического преодоления «старого мира» реализована. Ставится следующая задача – идейного преодоления старого мира. Она разворачивается после завершения Гражданской войны и идет до середины 30-х годов. Это – и риторика непреременных митингов, и курсы ликвидации безграмотности, и школа, и советская периодика, и разнообразная научно-пропагандистская литература.

Обозначенная нами кампания примечательна тем, что, то была не просто критика царизма, анализ, исследование, хотя бы и пристрастное. Читатель этого пласта истории нашей культуры окунается в атмосферу вакханалии поругания. Вспоминается пафос христианских проповедников IV–VIII веков, в житии которых обязательно упоминается ниспровержение языческих кумиров.

Классический пример литературы подобного рода: «Русская история в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского (Четвертое посмертное издание. М. Партиздат, 1933). Это шестисотстраничный труд, богато насыщенный фактурой, но при этом являющий собой классический пример агитки. Объявленный в 20-е годы «главой марксистской исторической школы в СССР», Покровский и его школа в 1936 году обвиняется в «вульгарном марксизме», «антипатриотизме» и «очернительстве истории России». Школа Покровского была объявлена «базой вредителей, шпионов и террористов, ловко маскировавшихся при помощи его вредных антиленинских исторических концепций». Книги Покровского изымались из библиотек, а учебники по истории переписывались в соответствии с новой исторической концепцией. Покровскому не помог и восторженный отзыв В. Ленина, публиковавшийся на первых страницах упомянутой книги. К 1936 году время ниспровергателей кончилось.

Начало второго цикла, описываемого нами феномена, восходит к концу эпохи Перестройки. С конца 80-х годов публицистика разворачивает панораму преступлений большевизма. После 1991 года этот процесс переходит на уровень статей в научных журналах, коллективных работ и монографий, учебных пособий и, наконец, учебников истории. Самым ярким и глубоким автором в ряду создателей учебников и учебных пособий (то есть, нормативного образа нашего прошлого) можно назвать И.И. Долуцкого. Заметим, что, в отличие от обличителей царизма, лучшие работы данного направления представляют собой корректные исторические исследования.

В них, безусловно, присутствует гражданская и политическая позиция автора, но не более того.

Помимо обобщающих концептуально-исторических работ печатались и специальные исследования, например «Черная книга коммунизма», исследования Большого террора и т.д.

На сей раз эпоха критики и ниспровержения длилась 12 лет. Приблизительно в 2003 году ситуация начинает меняться. На этот раз без громких кампаний и передовиц в центральных газетах, но последовательно и неуклонно. С учебника И.И.Долуцкого «Отечественная история. XX век» снимают гриф МинОбра, рекомендовавший книгу для преподавания в средней школе. Тематика репрессий в школе сужается до одного урока, учебники истории обогащаются формулировкой «эффективный менеджер» и т.д. В прессе поднимается вопрос о восстановлении на прежних местах памятников знаковым персонажам советской эпохи. Голодомор объявляют пропагандистской выдумкой украинских националистов. На первый план выходят фильмы, посвященные победам и одолениям советского народа. В середине десятых годов время ниспровергателей очевидным образом кончилось.

Зафиксированный нами феномен можно объяснить политической и идеологической прагматикой. Но проблема глубже. В некотором надрациональном, мистическом смысле *сакральная Власть вечна и неизменна*. Просто время от времени то, что китайцы называют «мандат неба», переходит от одной идеологической династии к другой. На переходе и сразу же за переходом открывается этап идеологического преодоления ушедшей династии. В силу естественной инерции сознания традиционного человека, часть населения воспринимает свергнутую династию как сакральную, а вчерашнюю реальность — как «правильную» и вождевленную.

Отринутая власть демонизируется. Обличение ужасов, ошибок и поражений предшествующего режима естественно и необходимо на этапе переструктурирования общества и культуры. Этим занимаются как принципиальные враги «старого режима», так и прирожденные идеологи, природой своей ориентированные на обслуживание новой власти.

Этап «очернения» и «огульной» критики синхронен с этапом стабилизации общества, приведения в порядок экономики, опривычивания новой реальности. Как только эти процессы завершаются, регенерируются две стержневые российские традиции: сакральная Власть и Империя. На новом этапе не переходная, зыбкая и неустойчивая, а обновленная сакральная (*а значит вечная и неизменная*) власть осознает любое «очернительство» несвоевременным и стратегически вредным. Образ и оценка предшествующей династии претерпевает примечательную метаморфозу: пафос ниспровергательства улетучивается. Из предмета многословных обличений, ошибки и преступления предшествующего режима перемещаются в пространство набранных петитом примечаний. Невнятная скороговорка с ритуальными признаниями пороков и ошибок тонет в материалах, посвященных победам и одолениям «нашего» народа предводимого «нашей» властью. Находится идеологическая формула, вписывающая предшествующую династию (при всех ошибках и недостатках) в целостность великой русской истории.

Следует зафиксировать качественное различие правителей и идеологов переходной эпохи и эпохи стабильности. Деятели эпохи преодоления «проклятого прошлого» пребывают в пространстве истории. Для них история — процесс качественных изменений. Пусть эти изменения переживаются мифологически. Правители же, приходящие им на смену и восстанавливающие классическую модель социокультурного космоса, пребывают в вечности, где на фоне мельте-

шения зыбкого и изменчивого внешнего мира пребывает Власть совершенная и неизменная.

Сакральная Власть и империя.

Традиционная сакральная Власть — власть имперская. Это власть Державная, мистический центр Вселенной сегодня и актуальный политический центр Вселенной в эсхатологическом будущем. Сила, покрывающая властным омофором множество народов. Преемник Первого и Второго Рима смиренно дожидаящийся Второго пришествия. Как и полагается универсальной империи, последовательно ведущая борьбу за мировое господство.

Модель сакральной власти не формировалась на Руси с нуля. Она была *привнесена* из двух источников — Византийской империи и Орды (Монгольской империи). При этом освоение данного конструкта, осмысление, наделение культурными смыслами, эмоциональное наполнение, безусловно, опиралось на структуры традиционно-архаического сознания, ментальную конституцию самых широких масс. Данная тема заслуживает более подробного рассмотрения, что и сделано в посвященной этому главе.

СТРАХ БОЖИЙ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ КОМПОНЕНТА СОЗНАНИЯ, СТРУКТУРИРУЕМОГО ИДЕЕЙ САКРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Идея страха Божия восходит к христианскому канону. «Начало мудрости — страх Господен». (Пс. 110-10) Христианские философы, подвижники и богословы трактуют Страх Божий как одно из оснований веры, при том, что содержание этой эмоции раскрывается по разному. Власть, переживаемая как сакральная сущность, рождает раннесредневековый страх перед амбивалентной и непрогнозируемой машиной власти, ибо Власть грозна, не объемлема разумом подданного и не прогнозируема. В любой момент она может обернуться грозой, высшая справедливость которой не постижима простым смертным, не прикосновенным к тайне власти. Ее самое и все ее действия надо принимать с чистым сердцем. «Так надо» — великая российская формулировка. Нам не дано понять: почему и зачем, но надо.

Оставим проблему «Страха Божия» богословам, ибо это — предмет веры. Что же касается Страха Божия перед лицом власти, то, на наш взгляд, генетически такой страх восходит к страху перед альфа-самцом в сообществах гоминид. Этот страх перед репрессией, которая может обрушиться со стороны альфа-самца, как за недолжное поведение, так и в случае, если объект репрессии подвернулся пор руку в тяжелую минуту.

Как показывают полевые исследования этологов, альфа самец может сорвать свое напряжение на подвернувшейся молодой самке или самце низкого ранга, в том случае, если ему не удастся наказать непосредственного виновника, вызвавшего раздражение. Заметим, что в патриархальной семье подобные эксцессы также происходят. Как и в других случаях, здесь просматриваются биологические истоки традиционной культуры.

Этот страх выступает компонентой устойчивого целого. В психологическом плане он необходим подданному, который родился и вырос в контексте высокого уровня репрессии. Страх мобилизует, оберегает подданного от соблазнов, и формирует «стокгольмский синдром». Мы имеем в виду специфическую форму страха-любви-обожания по отношению к власти, которая отличает верноподданного.

Наказание может обрушиться на голову согрешившего подданного. Однако кара может упасть и на невинного. И это — одно из проявлений божественной сущности Власти. Ибо власть рационально непостижима, находится над правом и элементарно понимаемой справедливостью. А потому, каждый смертный в любую минуту должен быть готов пострадать, поскольку все мы грешны. Искать справедливости, судиться, обращаться к высшей власти — занятие в практическом плане бессмысленное и «не наше», чуждое российскому эйдосу.

Сакральная власть если не актуальна, то потенциально всесильна.⁵³ Власть должна быть строгой и заставлять трепетать. Обвинение власти в слабости — одно из самых страшных и свидетельствующих о безнадежной ситуации в стране. «Слабая власть не способна дать «укорот» своему народу, сдержать его от грехопадения или покарать за него — справедливым наказанием тем самым как бы снять вину».⁵⁴

Единение с сакральной властью, партисипация к ее символам и лозунгам, включение в ритуалы, отождествление и растворение в коллективном теле, освящаемого сакральной властью целого, ненависть к назначенным властью врагам — органическая потребность, присущая традиционному человеку и атрибутивная характеристика последнего.

Однако, партисипация к власти создает психологические проблемы и требует компенсации. Всяческое критиканство, и поношение агентов власти любого уровня, вплоть до самого Правителя в ситуации подпития, прилюдного спора и т.д. не противоречит императивной потребности в партисипации.⁵⁵ Здесь мы сталкиваемся с психотерапевтическими практиками, необходимыми подданному для восстановления равновесия и поддержания психологического баланса. Традиционный человек *насильственно вписан* в государство и цивилизацию. Постоянное выполнение норм и правил, следующих из статуса подданного высшей власти, для него тягостно и мучительно.⁵⁶ Эти внешние нормативы противоречат его природе, тем импульсам, которые систематически прорываются наружу и требуют обуздания. Власть являет собой принудительную, контролирующую и обязывающую силу.

Насильственный, навязанный характер жизни в государстве, по законам Власти — неустранимый аспект бытия традиционного человека. Он не отменяет сакрального статуса Власти и всего, что с этим связано. Здесь заключено конфликторождающее начало, которое присутствует постоянно, выливаясь в пространство терапевтических практик (наркотизация, подсмеивание, поношение в узком кругу), а также деструктивные эксцессы (вздорные слухи, периодические бунты, погромы, бегство с насиженных мест и т.д.). При всем этом Власть вечна и сакральна, а «взбрыкивания» подданного локальны и преходящи.

Подданный осознает, что в нем самом бродят силы и импульсы хаоса. Именно власть, порождая спасительный Страх Божий, удерживает предмет нашего исследования и окружающий его мир от падения в бездну хаоса. По всему этому, принимая Власть как спасительную неизбежность, подданный живет во власти глубоко амби-

⁵³ Вспомним лозунг, активно используемый в последнее время КПРФ и патриотическими структурами типа «Народно-освободительное движение» — «Дошли до Берлина — Дойдем до Вашингтона».

⁵⁴ И.И.Глебова. Павшая власть — падшая власть./ Труды по руссиеведению. 2009. С. 155.

⁵⁵ В качестве примера можно привести типичную для эпохи Первой мировой войны присказку, зафиксированную в полицейских протоколах: «Е..л я Царя, Россию и мать его Марию». Поясним, в виду имеется мать Николая II, вдовствующая императрица Мария Федоровна. Подробнее см: Борис Колоницкий. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.НЛО. 2010.

⁵⁶ Более того, выполняет только в ситуации присмотра. В неподконтрольном состоянии, при первой возможности нормы и правила нарушаются сладострастно. Ближайший к жилью лес захламляется, в лифте мочатся, на стенах новостроек царапают бранные слова и т.д.

валентных импульсов: Страха-преданности, рабской любви и рабской же ненависти, неувядающих претензий, обиды. Все это выливается в злобном поношении за рамками официальных ситуаций.

Это — общий фон ординарного течения жизни. Альтернатива — ситуация «наших бьют». В тот же момент, когда власть включает сигнал опасности и мобилизации верных, она обретает всеобщее единение подавляющего большинства носителей традиционного сознания. В сознании традиционного человека не существует какой-либо модели существования вселенной за рамками «нашего» мира, вне «нашей» власти. Крах «нашего» социокультурного порядка в самом буквальном смысле понимается как Конец Света. И это уже — эсхатологическое прочтение Страха Божия.

ПРОБЛЕМА ВРАГА

Актуальный враг сакральной власти

Поскольку сакральная власть есть выражение социального абсолюта, то ее враг — непосредственно Дьявол, Его величество Сатана. Актуальная номинация Врага периодически меняется: католики, Папа, Антихрист, империализм, фашизм. Апеллируя к «ярости благородной», взращивая ненависть, традиционная публицистика помечает знаком абсолютного зла своих политических противников.

Актуальность проблемы Врага меняется время от времени. Эпохи войн и политических обострений делают Врага максимально актуальным. Рутинное противостояние и относительно мирное сожительство отодвигают образ Врага на второй план. Однако, надо помнить о том, что Враг относится к высоко значимым компонентам российского культурного космоса. Потенциал мобилизации, которая мгновенно захватывает все общество, впечатляет как вменяемых современников (например, Герцена в 1863–64 годах, во время Январского восстания на территории Царства Польского), так и историков.

Долгое пребывание в ситуации, когда Враг не слишком актуален, расхолаживает российскую целостность. Актуализация манихейского духа необходима, так как он относится к конститутивным моментам культурного космоса. Это подвигает власть на обострение. Манихейское позиционирование упрощает картину мира, задает мощное ценностное насыщение культурного пространства, резко повышает эмоциональный тонус.

Сакральная власть и Враг рода человеческого

Сакральная власть как образ нераспавшегося единства Истинного Бога существует в контексте более широкой перспективы, в которой Власти противостоит абсолютное Зло, то есть — Враг рода человеческого. Это онтологический и смысловой полюс. «Наш» мир существует в устойчивом противостоянии разнообразным врагам и недоброжелателям. Это рутинно и привычно.

Однако за всеми врагами тактического уровня стоит образ Абсолютного Зла, который временами отходит на второй план, но никогда не исчезает из правоверного идеологического сознания. Абсолютное Зло связано со смертельной опасностью и осмысливается/переживается в апокалиптических смысло-образах. Оно актуализуется в контексте манихейской Последней битвы, которая уже развернулась или вот-вот разразится.

Номинации абсолютного Зла меняются от эпохи к эпохе. После Второй мировой войны за абсолютным злом прочно закрепляется номинация «фашизм».

Франкистская Испания, Салазаровская Португалия, бойцы Венгерской революции 1956 года, «лесные братья» в советизированных республиках Балтии, УПА или «бандеровцы» в Украине, генерал Пиночет в Чили, Евромайдан в 2013–14 годов и неформальное движение «Правый сектор», возникшее на информационном горизонте в то же время покрываются общим именем «фашисты». Силы, энергично и успешно встававшие на пути мирового коммунизма, или на путях постсоветской реинтеграции, объявлялись и объявляются фашистами.

Образ абсолютного зла создается в соответствии с вечными манихейскими схемами. Это женщины, стреляющие из окон домов в спины российских солдат⁵⁷, каратели-бандеровцы, распинающие малолетних детей, тайные враги, отравляющие колодцы и т.д.

Такие страшилки срабатывают в традиционной среде. В воспоминаниях В.В.Шульгина, служившего во время Первой русской революции в Киеве упоминается эпизод – по городу пошли слухи: в лесу под Киевом собрались 10 тысяч вооруженных евреев, которые пойдут резать православных. История эта примечательна тем, что полицейское начальство поверило слухам и послало военную часть прочесть обозначенный лес. Противник, естественно не был обнаружен. Еврейские погромы вырастали из убеждения, что «жиды» вот-вот почнут резать православных.

Фольклорные истоки такого слуха очевидны для внимательного человека, знакомого с православной культурой. Почему именно десять тысяч? В так называемом душеспасительном 90 псалме сказано: «Падет от страны твоя тысяща и тьма, к тебе же не приблизится». Тьма по монгольски – «тумен» означает десять тысяч. Простонародная фантазия извлекла эти десять тысяч из текста псалма, чего не усмотрело полицейское начальство.

САКРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ, ИМПЕРИЯ И ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Для твердого носителя традиционного сознания словосочетание «сакральная власть» в известном смысле избыточно. Власть сакральна по определению. Власть, лишенная признаков и атрибутов сакрального – грозна, сокрыта от взоров, спонтанна, дистанцирована от смертных во всех отношениях, (пространственно, стиливо, смыслово-образно), допускает панибратство и амикошонство, не явлена в соответствующем ритуале – профанна. Это поддельная, самозванная пародия на власть. Настоящая власть иная.

Сакральная власть есть иконический образ обожествленного государства, понимаемого и переживаемого как пирамида власти. Иными словами власть сакральная по своей природе: Власть это и есть государство.

Сакральная власть и империя базируются на представлении об абсолютной, трансцендентной по своему источнику ценности целого и инструментальной ценности отдельного подданного или любой группы людей. Пасомые существуют как материал для строительства и поддержания и утверждения величия Государства, то есть – Власти.

Общество потребления являет *онтологическую альтернативу* этой диспозиции. Оно исходит из самости человека – потребителя. Его эмоций, желаний, интересов, запросов, представлений и импульсов.

⁵⁷ Женщины, стреляющие в спины воинов – классический образ вероломства. См. Сборник: «Неизвестная война. Правда о Первой мировой». Часть I. М. 2014.

В классическом, традиционно-сословном обществе потребление было нормировано и жестко задавалось сословным статусом. Крестьянин и мещанин потребляли минимум, и по культурным основаниям, и в силу ничтожных финансовых возможностей. «Гранды» потребляли в соответствии со своим статусом. В диапазоне от твердого статусного достатка до статусной роскоши.

В СССР складывалась иная ситуация. Здесь заявлялся идеал казенного аскетизма и человек, ставший на путь потребления сверх биологически необходимого минимума, профанировался и обличался. (При этом, разумеется, речь идет о пасомых. Пастыри жили за высоким забором и их стандарты потребления составляли государственную тайну.)

Жупел потребления, «потребитель», «вещизм», «мещанство» – ярлыки в арсенале советской пропаганды. Десятилетиями, идеологи, сатирики, карикатуристы, исполнители скетчей, режиссеры и сценаристы костили потребителя, противопоставляя его «правильному» советскому человеку, обходящемуся минимумом и погруженному в заботы о вечном и великом. Когда то казалось, что причина этого – органическая неспособность социалистической экономики насытить рынок товарами. Однако, со временем пришло понимание онтологического противостояния тоталитарной деспотии тенденции удовлетворения «прихотей и похотей» массового человека. Потребитель стал на путь улаживания собственных импульсов. Потребление формирует вкус и привычку прислушиваться к себе, к своим пожеланиям, удовлетворять их, сравнивать, оценивая результат и идти дальше по пути потребления товаров и услуг.

На этом пути неизбежно формируется человеческая автономность. Совершенно необязательно это личностная автономность. Это, может быть, самость достаточно примитивного индивида. Но индивидуальные характеристики выявляются и разворачиваются с необходимостью. С этим и боролась советская идеология.

В одном из фильмов телесериала «Следствие ведут знатоки» персонаж второго плана, представленный зрителю в аккуратном костюме и красивом импортном галстуке, закономерно оказывается трусливым ничтожеством. Наш, советский человек не опускается до забот об элегантном галстуке. В советской реальности быть элегантным и облакаться в импортные «щмотки» разрешалось артистам эстрады и публичным деятелям культуры. Власть снисходила до слабостей тщеславных искателей обожания. Советские начальники являлись на люди в тоскливом стандарте облачения в штатском.

Идеальный солдат империи и подданный традиционной деспотии должен быть многообразно фрустрирован дискомфортом жизни, убогого и необустроенного быта, гнетом «грандов», хамством мелких начальников, (проверяющих из ЖЭКа, контролеров в троллейбусе) бессмысленным идиотизмом окружающей действительности. Весь этот дискомфорт он не может понять и адекватно осмыслить, но чувствует и переживает непременно. Сублимативная энергия ненависти к врагам Престола и Отечества, вырастающая из унижительного болота отечественной реальности, помноженная на ничтожную стоимость жизни подданного, как в его собственных глазах, так и в глазах начальства, делает его идеальным солдатом Отечества. Есть враги, внутренние и внешние – евреи, инородцы, иноверцы, империалисты – которые постоянно мешают нашей власти устроить нормальную жизнь, в которой мы заживем по настоящему. По этому надо сплотиться вокруг Престола и не щадя живота своего, до последней капли крови...

Совершенно иное дело потребитель. *Человек потребляющий* живет в другом смысловом и эмоциональном контексте. Он обустроил свой дом, свой быт, свою семью. Есть проблемы: сосед имеет и потребляет больше, но главные проблемы решены. Его система ценностей выстроена на альтернативных основаниях. Вне зависимости от интеллектуального уровня потребителя, он обладает иммунитетом к пропаганде, призывающей жертвовать собой во имя Великих целей.

С начала двухтысячных годов в городах-миллионниках РФ *сложилось общество потребления*. Далеко не все жители этих урбанистических образований могут удовлетворять требованиям стандартов потребления. Но нормы и ценности, доминирующие ориентиры и конвенции общества потребления в этой среде носят всеобщий характер. За рамками остаются нищие советские старики и откровенные маргиналы. А в молодых стратах приверженность ценностям потребления носит характер тотального доминирования.

Наш тезис состоит в том, что эти люди сущностно находятся за рамками традиционно деспотических и имперских моделей. Их идеологические предпочтения не имеют значения. Они могут быть империалистами, поклонниками сильной власти, носителями великодержавных амбиций. Но все эти установки и аффекты носят *платонический характер*. При первом серьезном конфликте с собственными интересами и перед перспективой лишения статуса потребителя или, не дай Бог, распада обществ потребления эти люди отрекутся от всего на свете во имя подлинно актуальных ценностей. Ибо, рассматриваемая нами социокультурная категория, не материал построения и поддержания величия социального абсолюта, а некоторая самодостаточная и самоценная сущность.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ САКРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

В 1963 г. Г. Алмонд и С. Верба в своей книге «Гражданская культура» выделили три типа политической культуры:

1) Патриархальная (традиционная, приходская политическая культура). Характерна для политически неразвитых обществ. Социальные роли в таких обществах не распределены между субъектами. Люди не имеют четких политических ориентаций. Ярче всего проявляются ориентации на местные ценности (клановые, родовые, племенные) — это местный патриотизм, семейственность, групповщина, коррупция. Представления о политической жизни смутны, отношение к ней — безразлично. Люди с традиционной ориентацией маловосприимчивы к ценностям мировой политической культуры.

2) Подданническая политическая культура (культура подчинения). Формируется в условиях феодализма, тоталитарного и авторитарного политических режимов. Для подданнической культуры характерна политическая пассивность граждан, их отстраненность от политики. Подданные знают о существовании специализированных политических институтов, но интерес проявляют лишь к практическим результатам правления политических вождей. Подданные всегда и во всем подчиняются власти из страха перед репрессиями и из тайного ожидания благ за своё «подслушание».

3) Активистская (партиципативная) политическая культура (культура участия). Соответствует модернизированному обществу с развитой и дифференцированной политической системой. Граждане проявляют высокую заинтересованность

в политике, стремятся активно участвовать в ней, рационально направляя политический процесс в желательное русло при помощи законных средств и инструментов. Члены общества ориентируются не только на господствующие, но и на альтернативные политические ценности — в этом проявляются плюрализм, толерантность и творческое отношение к политике.⁵⁸

Как мы видим, политическая культура производна от базовых стадийальных и типологических характеристик каждого конкретного общества. Типология властных отношений задается спецификой общества. Специфика эта многообразна, в ней можно выделять разные характеристики. В самом общем смысле типология властных отношений задается характеристиками доминирующей ментальности. Нас интересует *мера субъектности* массового человека.

В данном исследовательском сюжете центральной является категория *субъекта*. В самом общем смысле философия трактует субъекта как носителя деятельности, сознания и познания. Чья бы то ни было субъектность объективируется в акте принятия и реализации самостоятельного решения, ответственность за последствия которого падает на субъекта. Теория различает разные модальности субъекта: Возможен изолированный субъект и субъект коллективный. Изолированный (психологический) субъект это отдельный человек, рассмотренный как самостоятельный объект. Коллективный субъект складывается из совместных усилий индивидуальных психологических субъектов. Нас интересует историческая диалектика коллективной и индивидуальной субъектности, которая разворачивается на пространствах истории человечества последние пять тысяч лет.

Исторически первична группа/стадо, в которой реализуется модель *распределенной субъектности*. Субъектом в собственном смысле выступает исходная целостность — семья/род/племя. Реально подлинным субъектом выступает актуальная культура, которая жестко задает параметры поведения группы. Группа, как автономная и самодостаточная целостность, специфицирует нормы и императивы культуры, увязывая их с конкретикой ситуации. Выразителем доминирующих интенций и инстанцией принятия решений выступает *носитель иерархии*, который переживается как субъект по преимуществу, но в реальности представляет собой инстанцию, интегрирующую устремления, мнения и настроения группы. Такой носитель иерархического начала выступает историческим зародышем сакральной власти.

Предпосылки формирования института сакральной власти — природа мира традиционно-архаического целого и особая ситуация вступления в процессы протополитарных преобразований. Исходно здесь главенствует императив десубъективации. Импульсы и тенденции, порождающие полноценную субъектность подавляются. Нормативна частичная (часто минимальная) субъектность, существование в рамках родовых/соседских/племенных организмов, которые выступают и переживаются как субъекты в собственном смысле.

Для понимания этой реальности особого внимания заслуживает категория *распределенной субъектности*. Это понятие описывает восходящую к прегоминидам типологию групп живых существ, для которых минимальной единицей биологического существования и воспроизводства является группа/стадо. То есть — органически объединенный конгломерат отдельных особей. В крайнем выражении мы можем наблюдать этот феномен на пчелах или муравьях. В таких сообществах выработка и принятие некоторого решения происходит в групповом эмоциональном взаимодей-

⁵⁸ <http://all-politologija.ru/knigi/politologiya-uchebnoe-posobie-dlya-vuzov-krajterman/tipi-politicheskoy-kulturi>

ствии, на фоне возбуждения и реализуется в поведении вожака, за которым мгновенно следуют остальные, ибо последним присущ императивный рефлекс стадного поведения.

Члены данных сообществ в силу собственной органики не способны *самостоятельно принимать значимые решения*. Значимое решение вырабатывается в стаде, на фоне всеобщего возбуждения, вызванного осознанной проблематизацией, приходит/заявляется инсайт. Далее следует всеобщее единение в акте следования за лидером, ибо особь, заявившая путь выхода из проблемы, за которой последовали остальные, и есть лидер.⁵⁹

Описанная нами типология заложена как на уровне отдельных особей (в психологических, интеллектуальных характеристиках), так и в актуальной культуре, закрепляющей и нормативизирующей этот тип социального бытия и подавляющей ростки альтернативного качества.

На уровне отдельного индивида распределенная субъектность тождественна *частичной субъектности*. Традиционный индивид участвует в акте коллективного возбуждения, вместе с сородичами взывает к духам предков и богам очага, формирует доминирующее настроение, магически сливается с целым и потому он сопричастен рождению значимого решения. Однако, во всем этом он выступает как *часть некоторого целого*. И это — *ключевая характеристика как традиционно-архаического субъекта, так и присущей ему культуры*.

Традиционный субъект категорически не воспринимает себя как завершенную, самодостаточную целостность. Одиночество, в смысле не вписанности в коллективные структуры, осмысливается как самое страшное несчастье. «Сирота безначальная», бобыль, одинокая вдова, бездомные, ибо слово дом обозначает не только крышу над головой, но и семью — все это маркеры необратимой катастрофы и постоянного страдания.

В рамках описываемых традиционных ячеек есть своя иерархия статусов — возрастная, гендерная, профессиональная. Люди различаются мерой причастности к иерархическому началу, врожденными способностями, возможностями, амбициями. На самом верху находятся лидеры, воплощающие функцию управления.

Под ними — подручные, сублидеры, и далее, все остальные. Кто-то из подвластных претендует на статус лидера. У некоторых стадных млекопитающих вождь периодически борется с претендентами на свой статус, изгоняет проигравших из стада, гнобит потенциальных претендентов, наводит страх. Так формируется тип традиционного лидера или «решальщика». Это специфический тип субъектности, рождающийся в традиционной среде: авторитарный, озабоченный сохранением статуса и контролем группы.

Неотъемлемым компонентом функционирования традиционной ячейки выступает насилие или репрессия. В широком смысле насилие неустранимо из социального бытия человеческих сообществ, поскольку последние состоят из автономных субъектов, исходно наделенных автономными системами принятия решений. Однако разные модели социальности существенно различаются мерой и характером насилия.

Нормативная модель правовой демократии исходит из того, что в каждом конкретном случае насилие соразмерно характеру отклоняющегося поведения, а общий уровень насилия подчиняется императиву минимизации. Традиционные общества реализуют политику насилия иначе. Здесь обязательно присутствует превентивное

⁵⁹ Традиционный сельский сход, по существу, принимал решения таким образом.

насилие (порождающее знаменитый Страх Божий). Оно периодически обрушивается на всех и каждого. В традиционном обществе ребенка наказывают чаще и жестче. Здесь репрессия выступает генеральным механизмом социализации. В случае же наказания провинившегося работает принцип устрашения (наказать примерно, чтобы другим неповадно было). В целом же уровень репрессии в традиционном обществе существенно выше.⁶⁰

В традиционной группе, движение «наверх», изменение статусов, обретение вождя статуса лидера в неизмеримой степени больше связано с насилием, интригами, предательствами и другими радостями традиционного политического бытия, нежели в обществе, конституированном автономными субъектами.

Данные различия заданы глубинной природой обществ, отличающихся мерой субъектности своих членов. Поскольку в традиционном обществе доминирует частичная субъектность, легко понять, что автономные системы принятия решений часто допускают сбой с точки зрения интересов целого. Вместо социально ценного, необходимого группе, поведения реализуются паразитарные, хищнические стратегии, хаотизирующие поведение и т.д. Эту ситуацию и корректирует высокий уровень репрессии.

Здесь мы затрагивает очень важную тему. Дело в том, что частичная субъектность *донравстенна*. Нравственные ограничители и зрелое нравственное сознание неотделимо от субъектного статуса человека. Нравственен в собственном смысле только свободный человек. Раб пребывает вне морали. (Разумеется, что речь идет не о социальном статусе, а о типологии сознания.) Частично субъектный, традиционный человек — раб тех целостностей, в которые он входит и, шире, раб традиционной культуры. Поэтому носитель частичной субъектности нуждается в постоянном присмотре со стороны иерархии.

В результате в массовом случае наверху оказывается волевой, жесткий авторитарный лидер, ориентированный на традиционные модели власти-подчинения. Итак, описанный инсайтно-магический механизм принятия решений предполагает распределенную субъектность и авторитарного традиционного лидера.

Общества, реализующие модель распределенной субъектности, эффективны в определенном диапазоне исторических ситуаций. Распределенная (она же частичная) субъектность исходна. На наш взгляд, традиционные сообщества охотников, скотоводов и земледельцев более или менее успешно интегрируются по моделям распределенной субъектности. Первое поколение цивилизаций (Древний Египет, Месопотамия, Индия, Китай) формировались и интегрировались также по моделям распределенной субъектности. Здесь складывается культурный механизм сакрализации Правителя. Прошло достаточно много времени, прежде чем сложились предпосылки для возникновения общеисторической альтернативы распределенной субъектности.

Альтернативная модель формируется на периферии традиционного мира, на поздних этапах его истории, в особых анклавах. Модель, альтернативная распределенной субъектности, складывается по мере *формирования зрелых обществ, экономика которых базируется на торговле*. Подчеркнем, речь идет о торговле как основе экономики, как базовой сфере деятельности. В таком случае модельный тип личности и системное качество доминирующего сознания формируются предпринимательской

⁶⁰ Подробно проблематика репрессии рассматривается в монографии: И.Г.Яковенко «Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры» М. 2011.

ментальностью. Разнообразные агродеспотии включали в себя компоненту торговли. Но, в этом случае торговля инкорпорирована в инородное целое и локализована в особой зоне. Доминирует иное сознание и другой тип социальных отношений.

Как мы помним, общественное разделение труда с необходимостью порождает торговый обмен. Однако, торговля, как специфический род деятельности, обладает собственной природой. Разворачиваясь и оформляясь в истории человечества (а на это ушли тысячелетия), торговля и, шире, вырастающая из нее предпринимательская деятельность формируют органичный для себя социокультурный универсум: особую типологию мышления и сознания, тип личности, систему отношений, общественные практики, мировоззрение, политическую систему и так далее.

Начнем с того, что *торговля (в ее зрелых формах) несовместима с миром распределенной субъектности*. Этот род человеческой активности императивно требует *автономной субъектности*.

Принципиальное значение имеет качественная дистанция между структурой деятельности традиционного земледельца/ремесленника/скотовода и торговца. Деятельность работников первой группы происходит в соответствии с достаточно жестко закрепленным в культуре сценарием.

В качестве примера обратимся к земледельцу. Работы ученых –крестьяноведов показывают: труд традиционного крестьянина разворачивается вне экономического измерения и задается логикой натурального хозяйства. Формы труда диктовал годовой цикл и погодные условия. Эти формы были освящены традицией, усвоены на уровне автоматических телесных практик, не предполагали экономически рефлексизирующего сознания. Крестьянин трудился в некотором сомнамбулическом состоянии близком к ИСС, как и полагалось трудиться архаическому человеку.

Как мы уже сказали, экономическое измерение деятельности в данном случае отсутствует. Диапазон вариаций, составляющий пространство выбора работника, связан с учетом погоды, особенностей ландшафта, почвы, качеством семян, объемом урожая. Поведение в разнообразных форс-мажорных ситуациях задано практикой и традиционализировано. Если коса затупилась ее надо поправить, если сломалась соха или лошадь потеряла подкову, надо пойти к кузнецу. Таким образом, что делать и как, диктует культура и складывающиеся обстоятельства.

Историки указывают на то, что традиционная культура формирует массу обычаев, ритуалов, стереотипов поведения на все случаи жизни, и *ограждает своего носителя от ситуации выбора*. Если же ситуацию выбора обойти нельзя, традиционный человек прибегает к датчику случайных чисел (типа «орел/решка», та или иная примета и т.д.). Таким образом, выбор перекладывается на трансцендентные инстанции.⁶¹ Традиционный человек избегает ситуации выбора, так как она для него дискомфортна. Одна из претензий простых советских людей к современной реальности в том, что в магазинах теперь продается *масса разных продуктов и выбирать стало трудно*.

Традиционный крестьянин пребывает в мире натурального хозяйства. Его задача – обеспечить семье минимум продуктов, необходимых для выживания. Предприниматель действует на рынке и существует в конкурентной ситуации. Он конкурирует как за поставщиков, так и за покупателей своих товаров. Природа коммерческой деятельности формирует *императив оптимизации*. Предприниматель вынужден постоянно учитывать экономическое измерение своей деятель-

⁶¹ А.П.Толочко Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев. Наукова думка. 1992.

ности. Все время соизмерять затраты и полученную/ожидаемую выручку. Деятельность предпринимателя невозможна без прибыли. Конкретная сделка может принести убыток, но если объемы убытков критически возрастают, купец разорится. Отсюда непрестанная забота об оптимизации по критерию вложенные ресурсы/полученная прибыль.

Деятельность, в соответствии с императивом оптимизации, по своей природе противостоит шаблонному выполнению некоторой программы. Она требует постоянной рефлексии ситуации и постоянной *готовности принимать решения*, корректирующие планы и устойчивые программы действия во имя выбора более оптимального варианта поведения.

Одна из конститутивных характеристик предпринимательства состоит в том, что предпринимательство комбинаторно. Купец выбирает в ряду альтернатив: у кого ему покупать, когда, в какой момент, учитывая массу обстоятельств — ситуацию на рынке, качество товара, финансовое положение продавца.

Вот зарисовка, позволяющая понять, о чем речь: Непрочные многоэтажные дома в Древнем Риме с деревянными перекрытиями, освещавшиеся и согреваемые факелами, свечами и переносными нагревательными приборами часто сгорали в пожарах. История сохранила пример плутократа Красса, жившего в последнем веке республики. Услышав о пожаре, Красс тотчас приезжал на место происшествия, выражал сочувствие погруженному в отчаяние собственнику и «не сходя с места, покупал у него намного ниже истинной стоимости земельный участок».⁶²

Точно та же ситуация складывается в момент продажи. Продать товар сейчас или придержать его до более благоприятной ценовой ситуации. Продать в этом месте, или отъехать на десяток миль и заработать гораздо больше. Терять время с продажей неходового товара или продать его с убытком, но выиграть время и заработать на следующей закупке. Расхваливать и соблазнить достоинствами товара жену состоятельного господина; работать с предметами заморской роскоши, обещающими высокую прибыль, но имеющими узкий рынок, или торговать простым товаром, доступным массовому потребителю, зарабатывая понемногу, но продавая большие объемы товара — все это решает купец.

Зафиксируем еще один немаловажный момент — традиционный крестьянин сидит на земле. Освоенный им горизонт ограничивается околицей. Купец постоянно перемещается. Мир явлен ему в многообразии ландшафтов, народов, культурных практик. Наконец, крестьянин работает с природными объектами, купец же *работает с людьми*, а это — неизмеримо более сложный объект, требующий интуиции, социально-психологической зрелости, способности к диалогу.

Напомним, речь идет, не о советском магазине, а о зрелом рынке. Купец вынужден принимать значимые решения на всех этапах предпринимательской деятельности и в каждом акте купли-продажи. Причем, это *ответственные решения*, все последствия которых ложатся на плечи предпринимателя. Перед нами род деятельности, императивно требующий зрелой субъектности. Не способный к этому человек уйдет из бизнеса, либо разорится. Зрелая предпринимательская деятельность с необходимостью формировала автономную личность. Этот тип человеческой субъектности закреплялся в череде поколений и формировал собственное социально-культурное пространство. Младшие сотрудники торговых фирм ориентировались

⁶² Жером Каркопино. Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи. М. 2008. С. 55.

на лидеров, усваивали нормы и принципы, со временем становились самостоятельными хозяевами.

Типология хозяйственной деятельности задает базовые характеристики субъекта. Частичная либо автономная субъектность выступают *системообразующими характеристиками*, задающими строй личности и универсум самопроявлений человека.

Однажды в истории человечества складываются общества, основной род деятельности в которых составляла торговля. *Эти общества с необходимостью тяготеют к политическим моделям демократии*, исключая сакральную власть. Модели демократической государственности нащупываются, совершенствуются и оттачиваются в торговых республиках, городах-государствах, конституционных монархиях, вставших на путь капиталистического развития. Демократическая государственность фундаментально противостоит тенденции сакрализации власти, рассматривая власть как социальный институт, создаваемый и воспроизводимый гражданами.

Первыми были финикийцы, которые создали не только товарную, но и монетарную торговлю. Им удалось сформировать модель торгового города-государства. Как указывают историки, финикийская государственность укладываясь в общевосточные рамки, но обладала существенным своеобразием. Царь здесь не был сакрален. В общественно-политической жизни присутствовал баланс царя и общин. Что то похожее можно было наблюдать в Киевской Руси или Новгородской республике.

Конкурировавшие и воевавшие с финикийцами греки и римляне формируют и развивают модель античного полиса, которая выпадает из древневосточной традиции и задает новый вектор всемирно-исторического развития.

Подведем итоги: Традиционное общество достаточно успешно функционирует по моделям распределенной субъектности. В рамках этой парадигмы формируются зрелые государства, которые могут решать достаточно сложные проблемы. Это происходит за счет специфической специализации: разделения общества на пастырей и пасомых. Так, в частности были устроены традиционные агродеспотии. Культурные и политические параметры этих обществ хорошо описаны.⁶³ Сакрализация власти — одна из ведущих и неперенных характеристик таких обществ.

Историческая альтернатива традиционным обществам возникает с формированием зрелой коммерческой деятельности. Коммерческая деятельность востребует и рождает полноценного субъекта. То есть — автономную личность, способную принимать решения, реализовывать их, брать на себя бремя результатов этого; корректировать свое поведение с учетом позитивного и негативного опыта и действовать снова. В обществах, где базовым типом личности выступает полноценный субъект, формируется историческая альтернатива общественному устройству, порождающему сакральную власть.

В этой связи отметим специфическую ненависть к торговле, предпринимательской деятельности, обществу, построенному на предпринимательских ценностях со стороны носителей традиционного сознания (торгаши и торгашество, общество торжествующего чистогана, забвение духовности и божественного предназначения, порочное смешение сословий и т.д.). Такое отторжение носит константный характер. Уверенно прослеживается в дореволюционной истории. Здесь элита, ин-

⁶³ Власть-собственность, сословное общество, редистрибутивная экономика, жесткий политический режим, высокий уровень репрессии, неспособность к исторической динамике и т.д.

теллигенция, крестьянство объединяются в общем порыве. Пароксизмом тотального отторжения стала советская эпоха. В постсоветской реальности в отторжении объединяются идеологи сословного общества и носители традиционного сознания. Описываемое нами явление далеко не случайно. Профанация и отторжение качественной альтернативы — универсальная закономерность культуры.

Как показывает история человечества, общества, базирующиеся на полноценной субъектности своих граждан, обладают решающими конкурентными преимуществами. Тренд нарастания субъектного начала и формирования, как политических, так и социально-культурных форм, адекватных полноценному субъекту, реализовался в сообществе признанных лидеров мировой динамики. Запущенные ими процессы изменяют Ойкумену и все более проблематизируют существование анклавов традиционного мира.

Специалисты сходятся во мнении, согласно которому на земном шаре утверждается инновационная экономика. Этот тип экономики немислим без массы полноценных субъектов. Он формирует широкое и многомерное пространство порождения человеческой субъектности и маргинализует частично субъектных традиционалистов. В свете этих соображений традиция сакрализации власти не имеет будущего. Она исчезает вместе с обществом распределенной субъектности.